

БОРИС

БАБКИН

ФОРМУЛА СЧАСТЬЯ —
РЕЦЕПТ БЕДЫ

Борис Николаевич Бабкин

Формула счастья – рецепт беды

Текст предоставлен изд-вом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180231

Формула счастья – рецепт беды: АСТ: АСТ МОСКВА; Москва; 2009

ISBN 978-5-17-047870-5, 978-5-403-01231-7, 978-5-17-049424-8,

978-5-403-01232-4

Аннотация

Безопасный наркотик, не вызывающий привыкания... Идеальное средство для тысяч мечтающих об «искусственном рае» парней и девчонок. Вожделенный способ обогащения для мафиози и наркодилеров – российских и иностранных... Но чтобы запустить этот уникальный продукт на черный рынок, необходимо знать, как его приготовить. И поэтому сразу несколько преступных группировок начинают охоту на студента Женю Антонова, который случайно узнал рецепт «Формулы счастья». Найти. Вытрясти бесценную информацию. Уничтожить. Таков план бандитов. Кто придет на помощь Жене и спасет его от верной гибели?

Содержание

Ленинградская область, поселок Умный	4
Москва	7
Красноярский край, поселок Чадобец	15
Санкт-Петербург	21
Москва	32
Красноярск	35
Красноярск	41
Москва	46
Красноярск	53
Москва	66
Красноярск	78
Поселок Чадобец	85
Москва	96
Щелково	99
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Борис Николаевич Бабкин

Формула счастья

– рецепт беды

Роман

Ленинградская область, поселок Умный

– Давай договоримся полюбовно, – угрожающе произнес рослый блондин. – Пока я...

– Мы уже говорили об этом, – тихо напомнила лежащая на кровати женщина. Бледность осунувшегося лица подчеркивали разметававшиеся по белой подушке длинные черные волосы. – И ты знаешь, что ничего не получишь. У тебя была возможность, но ты истратил...

– Об этом уже тысячу раз говорили. Я тебе предлагаю партнерство. Мне надоело...

– Быть человеком, – насмешливо продолжила она. – Я вот что хотела спросить, Артур, почему? Только, пожалуйста, будь хоть сейчас честен.

– Надоело быть никем – то привези, за тем присмотри. Хочу быть лидером, принимать свои решения.

– Что же ты раньше не говорил об этом? А вот когда узнал о завещании папы...

– Дело не в этом. Я хочу сам вести дела. Хочу получать не зарплату, а процент от дохода, иметь свою жилплощадь, дачу, в конце концов, купить себе приличную машину. Свою, а не ездить по доверенности. Хочу жить так, чтобы ни от кого не зависеть. Я взял тебя с ребенком, даже позволял ему называть меня папой. А ты...

– Артур, – вздохнула женщина, – у тебя все равно ничего не получится.

– Ты сама попросилась в клинику. Если хочешь, я могу снова посадить тебя на иглу.

– Вот в чем дело, – прошептала она. – Значит, все это ты задумал давно. И Женю ты сделал просто...

– Тряпкой, – засмеялся он. – Называй вещи своими именами. Не буду скрывать, он действительно очень талантлив. И поверьте, Ирина Николаевна, – Артур рассмеялся, – без вас он станет ученым мужем, бледным хилым очкариком. И посвятит свою жизнь науке. Он уже знает три языка. Запросто может...

– Я уничтожу тебя, – прошептала она. – Не смей трогать Женю!

– Ты забыла, что ему сказала, – посмеиваясь, перебил ее Артур. – И думаешь, он забудет это? Сына ты потеряла. И никто тебя искать не будет. Поэтому подумай и отдай мне все. Я обещаю тебе кусок хлеба с маслом. И сынку тоже оста-

нется. А когда помрешь, то, так и быть, без угла я этого вундеркинда не оставлю.

– Хорошо, – неожиданно спокойно проговорила она, – я согласна. Поехали к нотариусу.

– Нотариус приедет сюда.

– О чем ты говоришь? Я же в закрытой клинике и не отвечаю за свои поступки. Никто не поверит в это. Тем более Оля вполне может оспорить...

– Оля не оспорит. Ты надеешься, что без тебя у меня ничего не получится, а тебя будут искать? Не обольщайся. Милая моя, кто у тебя есть, чтобы о тебе беспокоиться? Да никого. Сына ты сама выгнала. Помнишь?

Женщина, закрыв глаза, молчала.

– В общем, подумай. И если решишь, скажи Дмитрию, он вызовет меня, и мы все устроим. Пока, милая. – Наклонившись, он коснулся губами ее щеки. Она плюнула ему в лицо. Артур рассмеялся и вытер лицо полой ее халата.

Москва

– Он ее в клинику к Димке упрятал, – посмеиваясь, говорила миловидная блондинка. – Пытается прибрать к рукам ее дело. Правда, как говорится, овчинка выделки не стоит, но хоть что-то свое у него будет.

– А ты с ним как? – спросил полный мужчина. – По-прежнему принимаешь иногда или расстались?

– Или, – усмехнулась она.

– И чего ты в нем, Ольга, нашла? Ладно бы...

– Он меня устраивает как запасной вариант. Я ему говорила, и не раз, что на серьезные отношения рассчитывать он не может. А посему пусть довольствуется тем, что есть.

– Но ведь ты подруга Ирины.

– Мы с Иркой просто деловые партнеры. Добраться бы до определенных высот, и я сразу рассталась бы с ней. А пока приходится терпеть... Надеюсь, недолго.

– Ты меня, конечно, извини, но как-то не по-людски выходит. Она же вытащила тебя из глуши, дала тебе денег и взяла в дело. Если бы хоть один из моих знакомых, не говоря о партнерах по бизнесу, позволил сказать что-то подобное обо мне, я бы...

– Милый Яков Борисович, – Ольга рассмеялась, – если бы у нас был хотя бы десятипроцентный доход...

– Черт возьми, Таранина, ты живешь в Москве, имеешь

солидный заработок, трехкомнатную квартиру, машину, едешь отдыхать на престижные курорты. На тебя, в конце концов, работают люди. Ты раз в неделю выплачиваешь им зарплату, и только. И все это благодаря Антоновой. Неужели она действительно стала пить?

– Поэтому сейчас и лечится.

– Странно это. Никогда не подумал бы, что Ирина может запить. Странно. Ты Евгения видела?

– Она его выгнала. Точно не знаю, что там произошло, но кто-то говорил, что Ирина Николаевна послала сына порусски.

– Я спрашиваю, ты Женьку видела? О том, что она нагрубила сыну, я знаю. А сейчас меня интересует, где он.

– Можно спросить, почему тебе это интересно?

– Он умный, начитанный и воспитанный юноша. Я боюсь за него. И кстати, я бы хотел видеть Артура. Почему он не на вечеринке? Это же его излюбленное занятие – веселиться на подобных сборищах.

– Не знаю. Он должен был приехать, но почему-то задерживается. Возможно, очаровывает новую пассию. Ты же знаешь...

– Я спросил, где Женька, – резко перебил Яков Борисович.

– Да не видела я его. Наверное, у бабки, Александры Андреевны. Она его растила. Поэтому и вырос слабаком.

– Он умный; сейчас таких очень мало, но, слава богу,

есть. Значит, думаешь, он у Александры Андреевны. Вот что, Ольга, – помолчав, проговорил Яков Борисович, – я очень редко кого-то о чем-то прошу. Но сейчас очень прошу. И готов в случае исполнения моей просьбы заплатить тебе. Если вдруг узнаешь, где Женя, немедленно сообщи мне. Только, ради бога, без этих – «может быть», «я думаю», «мне сказали». Мне нужно точно знать, где сейчас Евгений.

– А бабушка считается?

– Если он там, ты получишь ужин в хорошем ресторане.

– Ловлю на слове. И я смогу заказать все, что захочу? –

Ольга рассмеялась.

– Разумеется. Но это не касается твоего приятеля.

– Согласна.

«Значит, все-таки он довел ее до клиники, – думал Яков Борисович. – Надо найти Женю, иначе это может для него плохо кончиться. А потом обязательно навещу Ирину». – Он покачал головой.

– Чего ты башкой-то крутишь? – спросила Ольга.

– Что-то неважно себя чувствую. Пожалуй, я откланяюсь.

Здесь нет интересных мне людей. Не забудь про ужин.

– Он наверняка у Александры Андреевны, – сказала Ольга. Яков Борисович поклонился и вышел из комнаты. – Пошел искать Женьку, – прошептала она. – С чего это вдруг такая забота?

– Вот что, – говорил по телефону Яков Борисович, – вы-

ясни, в какой из клиник Гродницкого находится Антонова Ирина Николаевна. И ее диагноз. – Он отключил телефон. Как Ирина попала в Питер? Не мог же он отвезти ее туда силой. Хотя кто знает. А Женя скорее всего у бабушки.

– Она меня... – Высокий худой парень лет восемнадцати опустил голову.

– Женя, – вздохнула седая женщина, – мама просила тебя к ней не приезжать, а ты все-таки поехал. Вероятнее всего, мама не хотела, чтобы началась ссора. У Оховенко есть знакомые среди уголовников. Кроме того, он в дружеских отношениях с чинами милиции. Господи, не послушала меня Ира. Говорила ей, что Артур очень плохой человек, в тюрьме сидел.

– Но, бабушка, – мягко перебил ее внук, – не все, кто отбывал срок, плохие люди. В отличие от моей мамы, которая получила прекрасное воспитание и образование, этот отбывший срок Оховенко не окончил даже школу, но именно он пытался заступиться за меня, а не мама...

– Знаешь, – перебила бабушка, – я не пытаюсь защитить Ирину, но уверена – она хочет спасти тебя, да и себя тоже. Иногда, чтобы познать истину, необходимо время. К сожалению, я неправильно повела себя по отношению к Ирине, но не осуждай меня, Женя.

– Хорошо, я поеду к маме и постараюсь понять, что заставило ее так сказать. Знаете, бабушка, я думал, что не умею

плакать. Я много раз специально вызывал у себя чувство несправедливо обиженного. Сделать это мне особого труда не составляет. Почему-то все считают своим долгом меня обидеть. Я много думал об этом. Почему? – Женя печально улыбнулся. – Ответ очевиден – я слаб, защитить себя не могу; ненавижу драки, боюсь боли. В этом виновато мое воспитание, общение с мягкими интеллигентными людьми. А теперь...

– А теперь ты вступил во взрослую жизнь, Женя, а она очень отличается от тепличных условий, в которых ты вырос.

– А кто мой настоящий отец? – неожиданно перебил бабушку Женя. – Я хочу это знать. Обещаю, что не стану пытаться его найти.

– Он соблазнил твою мать. И думаю, у тебя есть сестры и братья. Ирина поверила этому прохвосту и родила тебя. Она не пыталась искать его и делала все, чтобы ты ни в чем не нуждался. Потом появился Оховенко. Он быстро вскружил Ирине голову, и скоро, несмотря на наши с дедом возражения, они расписались. Слава богу, фамилию она не поменяла. Понимая, что мы никогда не примем Артура, уехала с ним в Тверскую область, преподавала русский и литературу в школе. И ей повезло, она выиграла в лотерею двадцать пять тысяч рублей, немалые по тому времени деньги, стала челноком. Артур тем временем, как он говорил, искал себя. А Ирина за год сумела накопить денег и открыть два ларька, продолжала торговать на рынке. А через три года неожидан-

но для нас приехала в Москву и вложила все деньги в торговлю. Через некоторое время стала неплохо зарабатывать. Открыла один магазин, затем второй. Артур помогал ей по мелочам. Он настоял, чтобы тебя отдали в интернат для одаренных детей. Так что дома ты бывал только в выходные и во время каникул. Правда, Артур старался приобщить тебя к спорту, научил кататься на коньках, бегать на лыжах. Но не признавал коллективных игр.

– Я это помню, бабушка. И это, наверное, ужасно, но я ненавижу маму, не могу говорить с ней и...

– Прекрати! – сердито перебила Александра Андреевна. – И не смей говорить плохо о матери. Я пытаюсь понять, почему она вдруг пристрастилась к алкоголю. Что ее заставило? Или кто? Она уже пять дней не звонила мне. Не появляется на работе. Я звонила в ее офис, но там сообщили, что Ирина Николаевна уехала, а куда, сообщать не велено. Я очень беспокоюсь за нее, а теперь твои жестокие слова усилили мой страх.

– Простите меня, бабушка. Честно говоря, мне просто хотелось посильнее задеть маму. Обязательно найду ее, – Женья поднялся, – и узнаю причину, по которой она исчезла. Я бросил университет, хочу пойти в армию. Но сначала я должен поговорить с мамой.

– Сделаешь это завтра. – Бабушка посмотрела на часы. – Сейчас умойся и ложись.

– Простите меня. Я не должен был так говорить, всему

виной детская обида.

Женя поцеловал бабушку.

– Прими контрастный душ, это поможет тебе успокоиться.

Женя ушел. Александра Андреевна посмотрела в окно. В свете фонарей медленно кружили редкие снежинки. Зазвонил телефон. Она сняла трубку.

– Александра Андреевна, – услышала она, – извините за столь поздний звонок, Женя не у вас?

– Он у меня, Яша. Спасибо, что позвонил. Ты не знаешь, где Ирина?

– С ней все в порядке. А я прошу вас – не отпускайте никуда Евгения. Я хочу поговорить с ним. Он бросил университет.

– Я знаю, что он хочет пойти в армию.

– В армию? Это, конечно, священный долг каждого гражданина, но мне кажется, он...

– Он хочет идти в армию, – повторила Александра Андреевна. – И он заявил, что ненавидит Ирину. Правда, потом признался, что не умеет ненавидеть.

– Вот этого я и боялся. Не отпускайте его, я приеду утром, попытаюсь уговорить его вернуться...

– Он уже отчислен.

– Евгения восстановят, я в этом уверен.

– Простите, бабушка, – выйдя из подъезда, Женя по-

смотрел на окна бабушкиной квартиры, – но мне необходимо увидеть маму. – Когда бабушка сказала, что мамы уже несколько дней нет на работе, он испугался так же сильно, как несколько минут назад ощущал граничившую с обидой ненависть. Его никогда никто из близких не обижал. Он остановился и снова посмотрел вверх на окна бабушкиной квартиры. – Завтра навещу дедушку в больнице, – крикнул он.

– Господи! – ахнула Александра Андреевна. – Женя! – Тяжело вздохнув, она опустилась в кресло.

«Бабушка, простите. Я сам должен сделать это. Не беспокойтесь, я найду маму и поговорю с ней. Вы же понимаете: происходит что-то нехорошее и я должен разобраться во всем сам. Я обязательно позвоню. Не сердитесь. Я вас очень люблю. Целую. Ваш внук Евгений».

Александра Андреевна еще раз перечитала записку.

– Что делать? – прошептала она. – Обращаться в милицию? А что я им скажу? Будем надеяться на лучшее. Николаю ничего говорить не буду. Это началось после того, как он вызвал нотариуса и составил завещание. Мне сообщили, что Ирину часто видят нетрезвой. А я не пыталась поговорить с ней. Надо что-то предпринимать.

Красноярский край, поселок Чадобец

– А он сейчас в тайге, – говорила по телефону светлорылая женщина, – на охоте. Медведь-людоед объявился, вот Артем и ушел. Когда вернется, сказать не могу – не знаю. Но если что нужно передать, вы скажите.

– Вот ты где, – сказал рослый бородач. – Что ж тебе неймется-то, хозяин тайги? Трое на твоей медвежьей совести. Хотя больше на совести тех, кто поднял тебя. Старый ты уже.

Послышался громкий рык. Проваливаясь в глубокий снег, бурый медведь снова рыкнул и стал подниматься по холму. Ударил выстрел. Из стланика вылетела стая куропаток. Упавший медведь лежал неподвижно. Бородач направился к убитому зверю.

– Видал? – Молодой мужчина кивнул в сторону медведя. – И спокойно идет. А медведь не заяц, его с одного выстрела редко кто на таком расстоянии уложит. А он бац, и в дамках.

– Да это запросто, – усмехнулся плотный здоровяк. – Он уже сколько их положил. Знает, куда бить.

Молодой пошел вверх по склону.

Плотный крикнул ему вслед:

– Давайте туда, и со шкурой поаккуратнее!

– Так он, наверное, уже ее испортил, – отозвался один из пяти мужиков.

– Он товар не портит, – уверенно сказал плотный.

– А что сейчас делает? – спросила молодая женщина со снайперской винтовкой.

Бородач охотничьим ножом вспорол медведю брюхо.

– Твою мать! – Плотный рванул туда.

Мужики двинулись за ним. Женщина рассмеялась и, вытащив из меховой рукавицы сотовый, нажала кнопку.

– Давай забирай нас, – проговорила она.

– Ты что делаешь?! – кричал бородачу плотный.

Бородач не ответил. Закончив, вытер лезвие длинного ножа о шкуру медведя и сунул его в ножны. Снегом вытер окровавленные руки, потом взял извлеченную из туши пулю, покачал головой.

– Да ты что делаешь-то? – зло спросил подошедший плотный. – На кой черт...

– Твоя, – показал ему пулю бородач. – Ты, гнида, трех человек, считай, убил. Добить медведя духу не хватило. Видно, ты прямо в берлогу бил. Сука ты, Семен. – Он сунул пулю в карман и, натянув рукавицы, неторопливо пошел на лыжах по склону.

– Ты ни копы не получишь! – заорал плотный.

Бородач никак не отреагировал. Раздался рокот приближающегося вертолета.

– Чего с мишкой-то делать? – спросил один из мужиков.

– Хотите, забирайте, – отозвался тот. – Только сами потащите. – Он направился к вертолету.

– Погодь, Тимофеич, – догнал бородача молодой, – испортил ты настроение Воеводе.

– Сука он, – ответил бородач. – Раньше за это в капкан ногами поставили бы и оставили подыхать. Трех шатун прибил, а ему все нипочем.

– А мясо забрать надо было, – оглянулся молодой.

– Слушай, Прохор, – остановился бородач, – хочешь, бери, но не забудь, что на его лапах три жизни человеческие.

– А как ты узнал, что это Воевода его поднял?

– Из винчестера стрелял, а по всему району винчестер только у него. Я бы таких на морозе голыми оставлял.

– А видал бабу? Ядрена кобылица, а глаза рысьи. Но красива, стерва.

– Хватит, Прошка! – рявкнул бородач.

– Что за шум, а драки нет? – раздался мужской голос.

Прохор, пытаясь сорвать с плеча карабин, покачнулся и упал в снег.

– Ты, Леший, – пытаясь подняться, недовольно проговорил он, – уж чересчур тихо появляешься. Так и на пулю нарваться можно.

– Воеводский шатуна поднял. – Тимофеич протянул пулю рослому мужчине в белом маскхалате.

– Ты так и говорил, – кивнул тот. – Тебе звонили. Алена сказала, что Колобок.

– Понятно, – усмехнулся Тимофеич. – Видать, все ж собрался навестить. А то только обещал. А чего ему надобно, Алена не сказывала?

– Да нет. – Леший покачал головой. Вертолет поднялся. – Всех распугает, – недовольно проговорил он.

– Ты никак решил запасы провианта пополнить? – спросил Тимофеич.

– Просто прогуляться да кое-что вспомнить, а то, похоже, теряю навыки.

– Да уж молчал бы, – отряхиваясь от снега, проворчал Прохор. – Не зря тебя бабка Пелагея Лешим дразнит.

– А по мне, как бы ни дразнили, – рассмеялся Тимофеич, – лишь бы не горшком да в печь не ставили. – Как моя Машенька? Постигает?

– Любому парню фору даст, – улыбнулся Леший.

– Очень хорошо, – улыбнулся Тимофеич. – А то я вину свою перед ней чую. Заболел я, она и примчалась. И учебу забросила. Ты у меня, говорит, один, а учиться я потом буду.

– А я считаю, что не надобно это девахе, – высказался Прохор. – Я, например, когда вижу, как бабы друг дружку на ринге метелят, то отворачиваюсь. Ну ладно борются – это уж куда ни шло. Но всякие там бои без правил и...

– Вот подскажу твоей Аньке, – подмигнул Тимофеич, – пусть тоже занимается. Тогда сразу меньше пить станешь, а то и вовсе бросишь.

– С моей Аней и так особо не забалуешь, – пробурчал

Прохор. – Она ухватом так шибанет, на пару деньков бюллетень домашний обеспечен. Правда, тогда ласковой становится. А как тебе зазноба Воеводского? Ты вроде как больной на мужскую часть тела – не видать, чтоб ты по бабам похаживал.

– Зато ты ни одну не пропустишь, – усмехнулся Тимофейич. – За что и битым частенько бываешь.

– Ты куда теперь? – спросил Прохор Лешего.

– Пойду куропаток настреляю.

– Впервые за две недели вышел, – тихо говорила пожилая женщина. – Думали, уж помер. Но видели, как племянница Артема к нему заходит. А чего там они делают, один Бог ведает.

– Худого точно не творят, – строго проговорила немолодая женщина. – Помогает она ему. Он же ее дядю Артема на себе полсотни километров тащил и спас его. Да так и остался тут. Видно, нет никого у него.

– Да кому он нужен-то, – рассмеялась молодая женщина, – он же, видать...

– У тебя одно на уме, Томка, – остановила ее женщина.

– Так это на уме у всех баб, – посмеиваясь, проговорила та. – Вон тетка Пелагея и то еще мужиков к себе...

– Да охолонь ты, бесстыжая! Одно на уме – скольким мужикам головы вскружила.

– А разве плохо? – вызывающе спросила Тамара.

– Чего хорошего-то? Прокукуешь по чужим постелям и своего гнезда не совьешь. А еще попадешь на какую-нибудь ревнивую, выцарапает она твои зенки бесстыжие.

Тамара рассмеялась.

– Вон идет Отшельник. – Она увидела подходившего к домику бородача. – Ведь когда только вселился, думали – быть беде. Уж больно угрюмый, людей сторонится. Подмочь в чем, завсегда подможет. Интересно, как он без бороды выглядит? Может, с ним и свяжу судьбу. Правда, интереса у него до женских прелестей вроде нету. Но уезжает ведь иногда куда-то. Интересно бы узнать куда.

– Ох, накличешь ты на свою непутевую голову беду горькую, – сказала пожилая.

– Погодь, – спросил Артем, – он ничего больше не сказал?

– Ничего, – ответила женщина. – Просто спросил о тебе, и все. Я ему и ответила, что ты на охоту ушел, а когда вернешься, не знаю. Он привет от Колобка передал.

– Привет от Колобка, или сам Колобок?

– Артем, – сердито проговорила женщина, – он спросил о тебе, а потом сказал – привет от Колобка.

Санкт-Петербург

– Ты какую-то хреновину затеял, – сердито проговорил невысокий худощавый мужчина. – Если кто-то начнет ее искать всерьез, дело лопнет в один миг. Уверяю, каждый будет ссылаться на тебя. Я тоже.

– Я не думаю, чтобы кто-то стал ее искать, – сказал Артур. – Ее родители с самого начала настроены против меня, поэтому Ирина отдалилась от них и отношения теперь практически не поддерживаются.

– А сын?

– Он на нее очень обиделся. Она грубо его обругала. Для него, сопливого интеллигента, это стало потрясением.

– У парня все-таки есть характер, – возразил худощавый. – Он бросил университет и собирается в армию.

– А ты откуда узнал? – насторожился Оховенко.

– Горничная его бабушки подруга няни моей знакомой. Она звонила Илоне. Александра Андреевна близка к инфаркту, – засмеялся он. – И еще звонила Таранина. Марковский озадачен тем, что Ирина пропала. А она брякнула ему обо мне. Так что предупреждаю – если появятся товарищи из органов, я буду ссылаться на заключение комиссии.

Оховенко хотел что-то сказать, но в его кармане раздался вызов сотового.

– Извини. – Он достал телефон и, посмотрев номер, вклю-

чил. – Ну что еще? – недовольно спросил он.

– Приходил Евгений, – сообщила женщина. – Сказал, что, если через час он не будет говорить с вами, обратится в милицию.

– Он один?

– Да.

– Я еду. Вундеркинд приехал, хочет поговорить со мной.

– Неожиданный для тебя поворот, – заметил худощавый.

– Откровенно говоря, я такого не ожидал. Ну что ж, в конце концов, я его отчим.

– Не переусердствуй, – предупредил худощавый.

– Не волнуйся, Дима, я буду очень сдержан. Сейчас он, наверное, пытается утешиться у Аллы.

– Не думаю, что она его утешит.

– Ты говорил с ней о Женьке?

– Она хочет порвать с ним отношения. Скорее всего она это сделает.

– Я удивился, почему она терпела его.

– Он умный парень, и ей было с ним интересно.

* * *

– Ну как же наши разговоры? – тихо спросил Женя. – Ты не раз говорила, что тебе со мной интересно.

– Кончился интерес, – насмешливо ответила хорошенькая девушка. – Помнишь, чем кончилась твоя попытка защитить

меня? Тебе просто врезали, и все.

– Но ты сама говорила, что грубая физическая сила не главное.

– Женя, мы с тобой были просто друзьями, ими и останемся. Но у меня сейчас есть парень, который не хочет, чтобы я встречалась еще с кем-то. Это тебе понятно? – усмехнулась она. – Любовный треугольник не...

– ...для тебя. – Женя кивнул и пошел к трамвайной остановке.

– Значит, Алка ему дала от ворот поворот. Когда он был у нее? – спросил по телефону Оховенко.

– Где мама? – В комнату вошел Женя.

– А где твоя вежливость? – насмешливо посмотрел на него Оховенко. – Или ты уже...

– Я спрашиваю, где мама? – Женя подошел к нему вплотную.

– Да что с тобой, сынок? Хотя такая забота о матери украшает. Мама на лечении, у нее нервный срыв. Ты же стал жертвой ее...

– Где она сейчас? – перебил Женя.

– В соответствующем медицинском учреждении. В народе такие называют психушками. Есть желание ее навестить?

– Да.

– А ты изменился, – насмешливо произнес Оховенко, – не узнать...

– Я хочу видеть маму, – вновь перебил Женя.

– Меня начинает раздражать твое поведение. Надеюсь, ты не забыл, куда тебя послала твоя мамочка? Она тебе абсолютно ясно сказала. – Он засмеялся. – «Иди! Я не хочу тебя видеть».

– Вы негодяй! – Женя хлестнул Оховенко по щеке.

Получив удар в живот, Женя повалился на пол к ногам Оховенко, который поставил свою пятку на лоб парня.

– Щенок ты беззубый, – насмешливо проговорил Оховенко. – Девкой тебе родиться надо было. – Он сильным толчком перевернул задыхающегося Женю на живот.

– Хватит, Артур. – В комнату вошел Яков Борисович, за ним двое крепких молодых мужчин.

– А ты что тут делаешь, Марковский? – недовольно спросил Оховенко. – Это уголовное дело – незаконное проникновение в...

– Слушай меня внимательно, Гангстер, – перебил его Яков Борисович. – Я кое-что выяснил. И если хоть волос упадет с головы Ирины Николаевны и с его, – он кивнул на медленно поднимающегося Женю, – то ты сядешь. Да и сейчас Женя вполне может написать заявление. Ушибы есть, свидетели тоже. И все, Гангстер, самое легкое, на что можешь рассчитывать, условный срок. К сожалению, с Ириной Николаевной ты все проделал аккуратно. Но тебя спасло лишь то, что ей действительно нужна помощь. Разумеется, она не будет лечиться у этого коновала с купленным дипломом. Же-

ня, – Марковский посмотрел на парня, – умойся. Присмотри за ним, Ваня, – кивнул он парню.

Не совсем восстановивший дыхание Женя с ненавистью посмотрел на Оховенко и вышел. Иван двинулся за ним.

– Скажи, Гангстер, зачем тебе это? Только не надо говорить, что ты тут ни при чем. Я никогда не поверю, что Ирина сама начала принимать наркотики. К сожалению, невозможно доказать, что ты подсыпал ей амфетамин в вино.

– Что ты мелешь, Яков? – сказал Оховенко. – Я спасал Ирину от нее самой. А к Дмитрию ее положил, потому что он мой друг и ей было бы обеспечено хорошее лечение. В приличную клинику я ее, увы, по причине затруднений с финансами положить не мог.

– Сука ты, Артур, решил завещание Николая Арсеньевича заполучить. Не выйдет.

– Откуда узнал про Гангстера?

– Какая разница? Ничего у тебя не выйдет, Ирину психопаткой не признают. Поднимать шум, объявлять ее наркоманкой ты не станешь, невыгодно. – Яков Борисович засмеялся. – Дело и деньги, которые оставляет Ирине Николай Арсеньевич, тогда перешли бы к тебе. Но нужно это делать сейчас. Ты предложил Ирине внести в завещание небольшое дополнение: Женька все получает только по достижении двадцати двух лет, к тому времени когда закончит университет.

– Умный ты, Яков Борисович, но помешать мне не сможешь.

– Женька не пойдет в армию, а проживет у моих знакомых. Ведь он должен умереть после того, как Ирину признают недееспособной и ты станешь его опекуном. Убивать тебе ее нельзя, а вот убрать сына – самое разумное. Но пока у тебя нет свидетельства о ее недееспособности, Женьку ты не тронешь. Или будешь делать все, чтобы отравить ему жизнь. Я вмешался, и Ирина очень скоро будет здорова. Разведется с тобой, и у них с сыном все будет хорошо. Это я говорю тебе для того, чтоб не дурил. Если с ее головы или с головы Женьки упадет хотя бы...

– Сука! – Артур сделал шаг вперед. Стоявший рядом с Яковом Борисовичем парень загородил его собой. – Зря ты влез в это, – прошептал Оховенко, – зря, Марковский.

В комнату вошли Женя и Иван.

– Я вернусь, – посмотрев на Артура, пообещал Женя, – и набью тебе морду. Попробуй только обидеть маму. – Он вышел.

Иван следом.

– Жизни не хватит дожидаться такого знаменательного события. – Оховенко рассмеялся, потом сказал Якову Борисовичу: – Предлагаю все пополам.

– Жаль, я не захватил с собой диктофон, – ответил тот, – очень торопился. – И вышел вместе с телохранителем.

– Хватит, Евгений, – строго говорил Яков Борисович. – Лить слезы – привилегия женщин. Позволю себе спросить –

какого хрена ты бросил университет?

– Мама, – всхлипнул Женя, – она...

– Понятно. И ты решил назло всем, и в первую очередь себе, уйти в армию. Но как же вы, молодой человек, забыли, что по осени вас уже забраковали и признали негодным для прохождения воинской службы. Конечно, вы бы пошли по инстанциям и доказали, что абсолютно здоровы и мама со своим мужем просто купили вам белый билет. Но во-первых, вы бы подвели маму. Про Артура я молчу. Про тех, кто брал деньги, тоже. Но я хочу спросить: чем вызван ваш патриотический порыв?

Женя опустил голову.

– Сильным хочу быть, – прошептал он.

– Я так и думал. Но уверяю вас, армия таких, как вы, ка-лечит.

– Я хочу убить Артура. – Женя поднял голову.

– Похвальное желание, – насмешливо улыбнулся Яков Борисович, – но невыполнимое. У Артура черный пояс по карате. Я не разбираюсь в стилях, но в драке я его видел. Очень опасен.

– А почему вы назвали его гангстером?

– Значит, слышал. Артур сидел в тюрьме и получил там кличку Гангстер. Правда, судимость давно погашена. Поэтому никто и не знал о его второй жизни.

– Второй жизни?

– Он поддерживает связь с уголовниками. Об этом я и по-

думал сразу, когда понял, что Ирина у его друга в психушке. Недалеко от Соснового Бора есть неврологическая клиника. Сейчас там уже образовался поселок Умный. Твоя мама находилась там. Она нуждается в лечении. И слава богу, что болезнь не запущена. Через пару недель она вернется домой. Но тебе сейчас лучше быть подальше. Я говорил с Ириной, она очень переживает, что тогда наговорила тебе лишнего. За тобой приглядывать мне некогда. Как ты смотришь на поездку в Сибирь? Там сейчас тридцать пять – сорок два мороза. Не то что у нас. Там узнаешь себе цену.

– Вы серьезно?

– Вполне.

– Но куда именно вы хотите меня отправить?

– Знакомые у меня там есть, поживешь у них. Сейчас тебя отвезут к деду, а я пошлю за билетом. Давай паспорт.

– Но у меня нет никаких вещей. В вязаной шапочке там будет, наверное, хорошо.

– Успокойся. – Марковский похлопал его по плечу. – Все, что надо, будет на месте. Иван, отвези его...

– Я бы хотел увидеть маму, – тихо проговорил Женя.

– Сейчас это ни к чему, – сказал Яков Борисович. – Вернешься, тогда и увидите. А сейчас к деду.

– Но дедушка в больнице.

– Вот туда и поедете. Сейчас надо навестить твою маму и узнать, как там и что.

– А можно и я с вами?

– Слушай, парень, – Марковский сердито посмотрел на него, – пора становиться мужчиной. Знаешь, он улыбнулся, – мне понравилось, что ты сказал Артуру: – «Я вернусь, чтобы набить тебе морду». Надеюсь, это не лепет обиженного ребенка. Я дам тебе возможность стать мужиком. А с Артуром я разберусь.

– Яков Борисович, – нерешительно спросил Женя, – а вы кто? Я слышал, что вы адвокат, но...

– И адвокат тоже, – засмеялся Марковский. – Почему тебя вдруг это заинтересовало?

– Почему вы мне помогаете?

– Дедушка твой помог мне однажды. А долг, как известно, платежом красен. Впрочем, ты попозже обо всем узнаешь.

– А ты что думал? – сердито поинтересовался Дмитрий. – Я тебя предупреждал. Хорошо, что без милиции обошлось, а то бы и тебе, и мне хана. И комиссии тоже. Ты на что рассчитывал-то? И меня подставил.

– Я тебе сколько бабок отвалил? – зло спросил Оховенко. – Но откуда Яшка узнал про судимость? Я был уверен, что и менты наши не в курсе. Я же погасил судимость еще там, в Твери. Странно.

– А меня, например, интересует: с какого это припека Яков за Ирку заступаться начал. В хахали он не годится. У него есть кто-то, крыша какая? И кто, хотелось бы знать.

– Он же был неплохим адвокатом. И воров в законе отма-

зывал. Значит, есть у него покровители. С ним лучше не связываться. В клинику человек пятнадцать ворвались со стволами. Я думал: отжил свое! Когда они Ирину спросили, не обижают ли ее, я решил: сейчас скажет, и все. Но она сказала, что все нормально. И сразу с души валун упал. – Дмитрий нервно рассмеялся.

– Надо будет выяснить, с какого хрена Яшка так за Ирку влез, – сказал Оховенко.

– Ну, недели две полежать вам придется, – сказал пожилой врач. – У вас все-таки первая степень зависимости. На вашем месте я бы подал в суд...

– Я не хочу этого, разговоры пойдут. У меня невелик бизнес, но конкуренция очень большая, – ответила Ирина.

– Понятно. Дело ваше. Но ничего страшного нет. Когда я узнал, что вас привезли из Умного, был уверен, что все гораздо хуже. Но там, видимо, наркотики вам не вводили. Все будет хорошо.

– Добрый день, Игорь Петрович. – В палату вошел Яков Борисович. – Как дела у вашей пациентки?

– Гораздо лучше, чем я предполагал. – Врач посмотрел на часы. – Извините, я должен идти.

– Я зайду перед отъездом, – сказал Марковский.

Врач вышел

– Где Женя? – спросила Ирина.

– Я не привез его к тебе: посчитал, что не нужно вам сей-

час встречаться. Я его отвезу к своему другу в Сибирь. До твоего выздоровления он побудет там. Артур до сих пор поддерживает связь с уголовниками. Поэтому ты и не платила крыше. Кстати, Женя пообещал Артуру набить морду. И произнес это уверенно, по-мужски.

– Спасибо тебе, Яков, – вздохнула Ирина. – Если бы не ты...

– Перестань, – улыбнулся он. – Моя помощь небескорыстна.

– Я понимаю и, разумеется, заплачу.

– Почему у всех на уме только деньги? – пробормотал Марковский. – Почему ты не допускаешь, что ты мне нравишься и я давно и безнадежно в тебя влюблен? А помочь любимой женщине, даже без единого шанса на взаимность, – долг любого уважающего себя мужчины. Я, конечно, далек от идеала, но все же мужчина. Только не надо кидаться ко мне на шею со словами благодарности и извиняться, что ты не можешь быть со мной. А если честно, твой отец очень помог мне. Спас, если откровенно. А теперь у меня появился шанс отплатить примерно тем же, вот и все.

Москва

– Да где ж тебя черти-то носили? – сердито спросил лежащий под капельницей пожилой мужчина. – Сидишь, зеваешь. Пришел, называется, проведать деда. Просто отметил-ся, и все. А я поговорить с тобой хотел.

– Да я готов, дедушка, – сказал Женя.

– Тогда объясни мне так, чтобы я понял, почему ты ушел из университета?

Женя опустил голову.

– Только не говори про армию, я прекрасно помню, что у тебя белый билет. Кстати, я был против этого, но твои мама и бабушка убедили меня не вмешиваться. А зря. Конечно, там тебе пришлось бы очень несладко. Но ты бы изменился. Сейчас ты не способен даже себя защитить. Тебе уже восемнадцать, а ты беспомощен, как малое дитя. Женя, если ты не изменишься, то погибнешь, как погибает комнатное растение без полива и присмотра. Ты не маленький мальчик, здоровьем тебя Бог не обидел. И перестань лить слезы – возраст не тот, чтобы рыдать. Я, наверное, скоро умру, поэтому и говорю тебе это. Ведь раньше молчал. Ты постоянно за книгами сидел, в пятом классе за седьмой задачи решал. И я, дурень старый, гордился тобой: вот какой у меня внук. А вот сейчас понял: был бы у тебя отец, все было бы по-другому. И что из тебя выйдет, один только Бог и знает.

– Да все я понимаю, – сказал Женя. – Но мне интересно учиться. Университет я из-за мамы бросил и в армию действительно хотел уйти. А вот Яков Борисович обещал меня в Красноярский край отвезти на некоторое время, в тайгу. Может, там я пойму, как жить стоит и что мне делать. Вы правы, дедушка, я себя до сих чувствую маленьким и беззащитным мальчиком. Все за меня решают другие. Пора меняться. Но как? Пока не знаю.

– Ты прав, меняться тебе, Женя, надо. Пора и за ум браться.

– А почему вы говорите, что умрете скоро? – осторожно спросил внук.

– Рак у меня. Этот приговор обжалованию не подлежит. Эй, снова влагу пустил. Уж больно нежен ты, внук, тяжело тебе в жизни придется. Вот когда помру, тогда уж, так и быть, поплачь. Но обещай, что в меру.

– Обещаю. – Женя вытер слезы. – Вы так легко говорите, что скоро умрете.

– А знаешь, пока еще сильные боли не наступили, очень надеюсь, что помру до них. А что помру, так ведь все там будем. Пожил вроде неплохо, не хуже других, а в чем-то и лучше. Жена у меня замечательная, мы любовь до сих пор сохранить сумели. Дочь на свет произвели. Вот ей, видно, достается то лихо, которое нас обошло. Внука хорошего нам родила. В радость все это было. Ты вот что, Женька, в университет, если получится, вернись. Запишись в секцию по

самообороне или еще куда, где за себя постоять научат. Ну иди, внук, устал я что-то. И помни мои слова и свое обещание. Мать со временем ты простишь. Но для этого сильным стать нужно. Сильному легче простить. Слабый обиды в себе таить будет и при удобном случае напомним про них. А это уже, Женька, подлостью называется. Иди, – кивнул дед на дверь.

– До свидания, дедушка. – Шмыгнув носом, Женя коснулся губами колючей щеки деда. – Я буду сильным, обещаю. Меня до сих пор вундеркиндом называют, и я всех удивлю. Крутой вундеркинд. – Он улыбнулся. – Неплохо звучит?

– Звучит прекрасно. Но как этого добиться?

– Не знаю, дед, но я обязательно таким стану. Я же никогда никого не обманывал, кроме себя. И сейчас клянусь, дедушка, стану крутым в лучшем смысле этого слова.

– Хорошо, – сказала по телефону Александра Андреевна. – Конечно, я согласна. Вам я доверяю, Яков.

– Поэтому я и взял на себя смелость заняться Евгением, – сказал Яков Борисович. – И уверен, что это пойдет ему во благо. Слишком долго он жил в тепличных условиях. А сейчас показал характер.

Красноярск

– Да все так же, – говорил по телефону Воеводский. – Правда, в последнее время государство взялось за охрану леса. Начали с самого болезненного – убрали привыкших к взяткам лесничих и поставили новых. Скорее всего начнется настоящая война. Во-вторых, усилили рыбнадзор. Кроме того, в местах, где можно намыть золото, появляются инспекторы в сопровождении омоновцев. Я за последний месяц потерял уже пятерых. Одного взяли, но он пока молчит. Точнее, заявил, что мыл в одиночку. Но меня вот что беспокоит: если все так и пойдет, я потеряю все. Кстати, местные уже перестают меня бояться. И я несу убытки. Принимать жесткие меры опасюсь – не хочу привлечь внимание власти, мне бы этого не хотелось. Если до весны ситуация не изменится, на золотодобыче можно поставить жирный крест. И ты знаешь, к чему это приведет. – Выслушав абонента, покачал головой. – Да в том-то и дело, что виноватых или, как говорят твои друзья-уголовники, крайних, в этом случае нет. Просто власть взяла все в свои руки. И лес, и рыбалку, и охоту, и золотодобычу. Последнее меня особенно беспокоит, потому что на этом держится все. Надеюсь, ты сможешь что-то узнать и посоветовать, от чего мне плясать.

Поселок Чадобец

– Ба, – Артем посмотрел в окно на градусник, – сорок три. Вот это шибанул морозец. А в центре России ни снега, ни мороза нет. Но, слава тебе господи, у нас пока все по-русски. А ты что-то загрустила, милая?

– Ты знаешь почему, – вздохнула Алена. – Я бы очень хотела ребенка.

– Я этого тоже не меньше хочу, но, видно, Богу не угодно это. А может, просто судьба так распорядилась, чтоб не было у нас продолжения рода. Надо бы съездить в Красноярск к врачу.

– Боюсь я, Артем, вдруг по моей вине не можем мы ребеночка заиметь? Ты ж меня возненавидишь.

– Дура ты, Аленка. Нас с тобой судьба свела. Но нужно правду узнать. Если уж не дано нам собственного ребеночка заиметь, усыновим, пока еще здоровье есть и силы. Надо все выяснить, а уж потом думать, что делать.

– А ты не бросишь меня?

– Хватит ерунду молоть. Не оставлю я тебя, даже если ты СПИДом болеешь.

– Типун тебе на язык! – Алена улыбнулась.

– Гости к нам скоро приедут. Колобок Яшка. Он тогда меня от тюрьмы спас, помнишь?

– Да как же не помнить, очень хорошо помню. И нако-

нец-то я увижу его, и спасибо скажу от всего сердца, и поклонюсь в ноги.

– Кланяться не надо, а спасибо сказать, конечно, стоит. Если бы не Колобок... – Артем махнул рукой.

– Леший куда-то пошел. – Алена посмотрела в окно.

Артем рассмеялся:

– Ну, баба Паша, ведь как она человека назовет, так к нему и прилипнет. Да, жизнью я Ярославу обязан. Он шел мимо и увидел меня в яме. А до ближайшего поселка пятьдесят с лишним километров. Он меня вытащил и понес на себе. А мороз, метель. Трое суток он меня тащил. Да ты помнишь все. А потом он меня спросил: «Можно тут остаться где-нибудь. Устал я от городов и от людей устал». Вот и живет здесь два года. Ты помнишь, я поначалу тоже опасался. Кто таков и чего тут вдруг остался. До общения он не охоч. Раз в месяц уедет куда-то на пару дней и вернется. Правда, участковый все выяснил. Зовут его Войнов Ярослав Павлович, не судим; в общем, нормальный мужик.

– А не зря ты Машу к нему отпускаешь?

– Машка мне как дочь, единственная кровинка. Ты была в больнице после аварии, и меня прихватило. Если б не она...

– Знаю и помню я все, Артем, но девушке...

– Худа он ей не сделает, а его наука завсегда в жизни поможет. Помнишь, Кабана сынок с дружками чуть ее не изнасиловал? Хорошо, бабы увидели и вмешались. А так бы что было? Они бы ее обесчестили, я бы положил их сколько

смог. И не думал бы я тогда ни о чем: ни о тебе, ни о том, что со мной будет.

– Хватит, Артем, – остановила мужа Алена.

– А где она сейчас?

– С подружками у ворот стоит.

– Ой, Машка, – хихикнула упитанная девушка, – тут про тебя такое бабка Паша говорила. Будто ты к этому Лешему через день ходишь.

– Три раза в неделю, – спокойно ответила русоволосая девушка, – на три часа.

– Да ты что? И чего же вы там делаете?

– Занимаемся. А ты что думала?

– После таких занятий дети появляются, – хмыкнула рыжеволосая девица.

– У других – может быть, – улыбнулась Маша, – но не у меня. Мы с дядей Ярославом дружим.

– Хозяин звонил, – говорил скуластый молодой мужчина. – Стадо молодняка погоним выше, к Тарибке. Там будет ждать Батый. Панты там и срежем.

– Но это загубит почти двести самцов, – покачал головой пожилой эвенк. – Он что, хочет, чтоб...

– Он хочет, чтоб мы отдали панты Профессору, – резко перебил скуластый. – И это не обсуждается.

– Кто это сказал? – насмешливо спросила вышедшая из

соседней комнаты женщина. – Это обсуждается, и сейчас я хочу знать, что и как лучше. – Она посмотрела на старика эвенка.

– Если мы срежем молодым самцам рожки, – ответил старик, – то, безрогие, они останутся без самок...

– А это как-то зависит от рогов? – удивилась женщина.

– Да. Не будет соперничества, а значит, потомство сократится. Нельзя в феврале...

– Значит, не будем, – улыбнулась она.

– Но, Изабелла Леонтьевна, – попытался возразить скуластый, – Семен Андреевич приказал...

– Я отменяю его распоряжение. – Изабелла направилась к двери. – Не вздумай все-таки погнать стадо в Тарибку.

– Понял, Зверюга? – подмигнул парню эвенк.

– Хорошо, – сказал по телефону высокий толстяк, – встречу. Ты один или...

– Не один, – ответил мужчина. – Мы на недельку. Ну, может, чуть задержимся, а может, и пораньше уедем. Посмотрим, как и что.

– Разбаловал тебя город. Ну хоть поглядим на тебя. Значит, завтра. Встретит вас Косой. Сколько вас будет-то?

– Четверо: я, Толик и две девушки.

– Девушки? – недовольно переспросил толстяк. – Знаешь, Алик, мне только борделя не хватает.

– Успокойся, батя, со мной приедет Лизка Тарапова. По-

нял?

– Дочь Тимки Тарапова?

– Она и есть.

– Ну тогда ладно. До завтра, сын.

– Как маман?

– Мать в порядке. «Маман», – проворчал толстяк. – Может, и меня батяном будешь кликать? Я тебе устрою батян-маман.

– Алик приедет? – спросила плотная женщина.

– Едет. И не один. С приятелем и двумя девками. Но не с проститутками, – увидев недовольное лицо жены, усмехнулся он. – Я тоже сначала так подумал, ну и начал...

– А кто?

– Да дочь Тарапова, Лизка. Еще Толик Лузин тоже с подружкой. И видать, не просто побаловаться. Луза Сашка, отец Тольки, серьезный мужик. Да и Тарапов тоже побаловаться дочь не отпустит.

– Понятно. Но ты Тарапова знаешь. Позвони ему и спроси, отпустил он Лизу или нет. А то ведь тебе известно, какая теперь молодежь пошла.

– Молодец ты у меня, Дарья. Я и не подумал про это. Если она без спросу едет, мы сразу ее назад отправим. А Алику всыплю, чтоб на чужой каравай рот не разевал. – Толстяк снял телефонную трубку.

Красноярск

– Да знаю я, – усмехнулся лысый плотный мужчина. – И твой балбес знает – если что, я с него шкуру спущу. Так что, надеюсь, баловства не будет. Но ты, Данила, все ж поглядывай. Дело молодое, за ими глаз да глаз нужен. Ну а ежели застанешь их, свадьбу сыграем, и пусть нам внуков строгают. Внуков, а не внучек. – Он взглянул на рослого парня и красивую блондинку. Они рассмеялись и пошли к вертолету, откуда призывно махал длинноволосый верзила.

– Ты там приглядывай, Перс, – негромко проговорил плотный.

– Понял, Тимофей Ильич. – Парень быстро пошел к вертолету.

* * *

– Слушай, Изабелла, – недовольно говорил по телефону Воеводский, – ты что себе позволяешь?! Какого черта лезешь в мои дела?!

– Наши дела, милый, – насмешливо ответила Изабелла. – Разве тебе мой папа ничего не говорил? Тогда позвони ему, и он тебе все объяснит.

– Но там ждут стадо. – Воеводский поморщился.

– Позвони и скажи, что долг ты отдашь завтра, все пять тысяч евро. Не держи меня за дурочку, милый, я умею узнавать что надо. – Изабелла рассмеялась и отключила телефон.

– Сука драная! – процедил Семен. – Я...

– Не стоит так называть мою дочь, – услышал он спокойный голос сзади и, вздрогнув, обернулся. У двери стоял невысокий седобородый мужчина, за ним – два громилы.

– Я это... – сипло выдавил Семен, – ну, просто...

– Хотя понять тебя можно. – Старик сел в подставленное ему громилой кресло. – Я тоже не любил, когда жена пыталась вмешиваться в мои дела. Бывало, материл, но чтоб она не слышала. Так что я понимаю тебя и поэтому прощаю. Но ты должен был сказать про долг тундровикам мне, и я давно решил бы этот вопрос. Почему молчал?

– Я должен Клещу. Он сидел пять лет и сегодня освобожден.

– Понятно. Тогда ты свободен от долга. Мне Клещ тоже кое-чем обязан.

– То есть я ничего Клещу не должен? – осмысливая услышанное, прошептал Воеводский.

– Конечно, нет. – Старик посмотрел на стоящего слева верзилу. Тот достал из кармана коробочку, взял оттуда сигару, ножничками отрезал кончик и подал старику. Второй, щелкнув зажигалкой, дал ему прикурить.

– Я не знал, что вы курите, Леонтий Васильевич, – удивленно посмотрел на него Семен.

– Очень редко. – Старик выпустил дым ему в лицо. – И только сигару. Раз в два дня. Ну, конечно, если хороший коньяк и приятная музыка, то чаще балую себя. Почему Изабелла не беременеет? – неожиданно спросил он.

– Я не знаю. – Семен растерялся. – Может, она считает, что рано заводить детей.

– Значит, ты не против ребеночка?

– Разумеется, нет.

– Я узнаю у дочери. – Старик снова затянулся.

«И не кашляет», – отметил про себя Семен.

– Да, – старик отдал сигару громиле, – как снег сойдет, пошлешь артель Валютчика к Золотой горе. Там есть золото. Пусть начинает подготовку к сезону.

– Но сейчас и за лес, и за золото всерьез взялись. Так что...

– Я не совершаю необдуманных поступков, – перебил старик, – и не принимаю поспешных решений, запомни это. На первый раз я тебя прощаю. – Он пошел к двери.

Когда гости ушли, Семен опустился на диван.

– Фу-у, – с облегчением выдохнул он. – Я думал, конец придет. – Он вытащил из бара бутылку водки и сделал несколько глотков из горлышка. – Граббе тот еще тип. А Изабелла стерва. Хотя ничто не вечно под луной, – усмехнулся он. – Сколько еще протянет старикашка? Ему уже под восемьдесят. Ну проживет еще пятерку. – Он рассмеялся. – Все будет моим. Делами пусть Изабелла занимается, а я хапану

приличную сумму и отвалю.

– Не понимаю, – сказал узкоглазый, – как вы можете разговаривать с этим...

– Слушай сюда, Ли, – проговорил Леонтий Васильевич. – Он с четырнадцати лет занимается золотом. В этих местах не то что на Колыме – где копнешь, там хоть немного, но золото будет. А Воевода знает, где есть золото. И он будет мыть его для меня. И не лезь со своими дурацкими вопросами. Ты, похоже, ревнуешь Изабеллу, – усмехнулся он. – Но я говорил, что моя дочь никогда не будет женой нерусского. Возможно, я напоминаю тебе скинхедов, но я твердо придерживаюсь правила – Россия для русских. Надеюсь, мне не придется тебе говорить это дважды.

– Я все понял, – ответил Ли.

– Прекрасно. Ты, конечно, психуешь, но, молодец, умеешь держать удар. Постарайся понять меня, Ли, я не хочу, чтоб мою фамилию носили желтолицые раскосые внуки. Я желаю, чтоб мои потомки были русскими. Поэтому мне подошел Воеводский. Он сибиряк в десятом колене. Не глуп, умеет делать деньги. И не трус. Как только Изабелла родит, я приму решение. Если же я умру, то все остается ей. Я надеюсь на тебя, Ли. Китаец кивнул:

– Я все сделаю для Изабеллы.

– Я это знаю, – улыбнулся старик. – Но внуков я желаю от Воеводского.

– Пусть так и будет, – снова кивнул Ли.

– А на уме у тебя что? Наверное, мысленно ты мне уже ломаешь шею? – хихикнул старик. – Сколько способов убийства голыми руками ты знаешь?

– Достаточно, чтобы убить любого, – спокойно ответил Ли.

Москва

– Как потерял? – раздраженно спросил по телефону коренастый мужчина в очках.

– Меня джип подрезал, – нервно ответил мужчина, – и чуть было меня из тачки не вытащили и харю не начистили. Хорошо, патрульная машина мимо ехала. Инспектора и вмешались.

– Пижон, – презрительно буркнул коренастый. Выключив телефон, тут же набрал номер.

– Да, – ответил Оховенко.

– Мы их потеряли, – сообщил коренастый. – Да, парень был с Марковским.

– Я должен знать, где они.

– Постараюсь выяснить.

Домодедово

– Ну что, дорогой, – улыбаясь, посмотрел на Евгения Яков Борисович, – готов к перелету в другую жизнь?

– Готов. – Женя тяжело вздохнул.

– Вдыхаешь, будто идешь на виселицу. Если не хочешь...

– Скажу честно, Яков Борисович, мне страшно. Я же привык ходить по асфальту и ездить на машине.

– Это закончилось, мальчик, начинается новая жизнь.

– Уважаемые пассажиры... – раздался приятный женский голос.

– Ну вот, – тихо проговорил Яков Борисович. – Это и есть приглашение в новую жизнь.

– Как на новом месте? – приветливо улыбаясь, спросил Ирину врач.

– Прекрасно. Постоянный страх ушел. И поела наконец как следует, а раньше боялась, что в пищу добавляют наркотик. Думаю, доктор, что могу вернуться домой.

– Пока об этом не может быть и речи. Очищение организма только началось. Скоро вы будете вполне здоровы. А сейчас попробуйте уснуть. Давать вам даже легкое снотворное нежелательно.

– Я понимаю, – вздохнула Ирина.

– Ты снова в столице появился, – сказала Ольга. – А как же твой план?

– Лопнул план, – ответил Оховенко. – Марковский вмешался, тварь поганая. В Питере он на уши поставил клинику Дмитрия в Умном. Ирку перевезли в другое место. Женя исчез. Короче, дело дрянь. Марковский пугал: если что-то с маманей или сынком случится, меня посадят. Вот такие дела. А у тебя как?

– Все по-прежнему. Иркин отец еще жив. Я разговаривала

с медсестрой из онкологии. Дедуля чувствует себя нормально, шутит. У него, кстати, был внук. Сейчас у него эта старая грымза Александра Андреевна.

– Оль, может, сестра в курсе, где Женька сейчас. Наверняка они будут говорить о нем.

– Он в Сибири. По крайней мере собирался туда. Медсестра слышала, о чем они говорили. И Женька, кстати, пообещал по возвращении набить тебе морду. – Она рассмеялась.

Оховенко тоже засмеялся, потом сказал:

– Он мне пощечину влепил, рука у него тяжелая.

– Женька тебя ударил? – поразилась Ольга.

– Ладонью.

– А ты?

– Врезал ему разок, а тут Марковский с двумя гориллами появился. В общем, поговорили. Яшка, сучонок, и меня предупредил: если что с Ириной случится, тебе срок большой. А время давит. Решил я проще и быстрее сделать.

– Как?

– Есть задумка. Но если он в Сибирь умотал, и меня то где его там найдешь?

– Розка может помочь. Сам подумай: скорее всего его повез туда Яков. У него там какой-то знакомый. Он его дело в суде выиграл, и тот ему очень благодарен. А Розка знает, где этот знакомый живет. Она на Якова зла, он вышиб ее с работы.

– Черт возьми, в натуре, она может знать. Но что это дает?

Сибирь не Москва, там свои порядки. А если у Марковского там еще и знакомый с уголовным прошлым, то ловить вообще нечего.

– Но сначала надо узнать, куда именно они уехали, а уж потом думать, что делать. Так что ты насчет Женьки придумал?

– Старики его обожают. За его жизнь они выложат кругленькую сумму. И похищением это назвать будет нельзя – я все-таки его отчим.

– Может, ты мне честно скажешь, зачем ты это затеял? Работать ты не сможешь – как Ирка крутится, не всякий мужик выдержит. Это только вроде...

– погоди, – остановил ее Оховенко, – мы же с тобой...

– Меня в это не впутывай. Я говорила, что ты должен больше помогать Ирине, а не шляться по ресторанам. Ты сколько денег уделал? Тебе Ира дала на...

– Вот как ты заговорила. А раньше по-другому чирикала. Перепугал тебя Яшка. Зря ты так со мной.

– Да ты ничего не сможешь. Много болтать умеешь, а на деле... – Она махнула рукой. – Я узнаю, где Женька, но ты никому не станешь говорить...

– Что-то я не пойму тебя – толчешь воду в ступе. Давай конкретно: чего хочешь ты?

– Иркино место. Поэтому я помогла тебе с наркотиками. Тебе все, что она имеет, мне – места на Кольцевой и два ларька около «Новослободской». Годится?

– Конечно. Ты выясни у Розки, куда Яшка мог Женьку увезти. Сибирь большая.

– Да что-то о Красноярском крае Розка говорила. Я и запомнила, потому что у меня там родственники живут. Постараюсь узнать.

– Ты все поняла, Роза, цветок ты неувядающий? – улыбнулся Иван, телохранитель Якова Борисовича. – И не стоит тебе объяснять, что говорить о моем хозяине не стоит. Ты умная баба и понимаешь, что если...

– Да я и не знаю ничего, – нервно ответила черноволосая женщина. – И никому ничего не скажу.

– Вот это правильно.

– А чего мозги ломать? – пожал плечами худощавый молодой мужчина. – Закатать его в бетон, и все дела. А то время терять, пасти и...

– Колобок велел только предупредить, – перебил его коренастый парень, – и за Ириной Николаевной присматривать.

– А чего это вдруг Колобок так беспокоится об этой бабе?

– А ты его спроси.

– Его спросишь, – проворчал худощавый.

– Ну что там с Гангстером? – сердито спросил плотный высокий мужчина.

– Да пока ни хрена у него не выходит, – ответил рыжеусый

амбал. – Из клиники Ирину забрал какой-то Яшка. Тот еще тип. Клинику брали, как в Грозном, по всем правилам. Профи работали. Никого не поломали, но перепугали до не могу и бабу ту забрали. Она сейчас в столице у Агранина. Может, объяснишь, Кузнец, зачем она нам...

– Тебе за вопросы не платят. Ты, Гусар, лучше найди, куда пацаненка увезли. И вообще выясни все об этом Яшке. Кто такой, с кем связан и так далее. Понятно?

– Сделаем. Я Петлю на это нацелю, завтра все знать будем.

– Может, лучше самого Гангстера спросить? – предложил крепкий блондин. – Он-то уж наверняка знает.

– Делайте, что вам говорят, – процедил Кузнец.

– Как скажешь, – согласился блондин.

– А чего, в натуре, Гангстера не спросить? – удивился Гусар. – Он-то...

– Делай, как сказал, через Петлю, – отрезал Кузнец.

* * *

– Значит, говоришь, в Красноярский край он собирался? – спросила Ольга.

– Да точно я не знаю, – ответила Роза. – Мы же в последнее время с Яковым не общались.

– Что-то ты недоговариваешь, подруга. Напугали тебя? Так не тех боишься. Где вы были, когда...

– Я ничего не знаю, – сердито повторила Роза. – И больше

ты меня об этом не спрашивай. Уходи.

– Ну хорошо, – многозначительно проговорила Ольга и, выйдя, хлопнула дверью.

– Это невероятно, – сняв очки, проговорил тщедушный мужчина. – Не хватает какого-то компонента. Но такого не может быть. – Снова нацепив очки, он склонился над кучкой порошка.

Красноярск

– Брр, – поежился Женя. – Холодно очень. Сколько, интересно, градусов?

– Сорок, – кратко ответил Яков Борисович.

– Здравствуйте, Яков Борисович. – К ним подошел плечистый бородач. – Извините, что пришлось подождать, в ДТП попали.

– Черт бы тебя подрал, Сашка, – сердито пробормотал Марковский. – Ты со вчерашнего дня знал, во сколько мы прилетим. И почему же ты не выехал пораньше?

– Извините, Яков Борисович, – взяв чемоданы, пробормотал тот.

Женя с интересом осматривался.

– Снегу сколько, – прошептал он. – И не похоже на Москву. Все как-то...

– Мой дорогой, этот город – столица большущего и богатого края. Сегодня мы останемся в Красноярске – у меня пара деловых встреч. А ты побудешь в гостинице.

Посадив Марковского и Женю на заднее сиденье, Сашка занял место за рулем. Джип тронулся. Женя с интересом смотрел в окно.

– Давно я в городе не была, – смущенно говорила Маша.

– Всего-то год, – усмехнулся Артем. – Точнее, полтора. А

теперь прямо уж...

– Перестань, – одернула его Алена.

– Не находились еще, – проворчал он. – Для меня хуже похмелья по магазинам таскаться – дураком себя чувствую. Вы-то, понятное дело, в своей тарелке, а мужику каково? И какого черта ходить? Купили что требуется и отвалили поскорому. Так нет, все им осмотреть надобно.

– Ладно. Сейчас поедem к Степановым, у них заночуем.

– Это хорошо, – довольно проворчал Артем. – Давненько мы с Федором не сживали – годков пять. Лет десять, как уехал из поселка. Работает по шабашкам, строитель. Это значит, то деньги есть, то нищим сидит. А Анна-то работает или нет?

– Почтальон она, – ответила Алена. – Да и Федор сейчас на постоянном месте. В фирме какой-то строительной работает – мастером, кажется.

– Ух ты, вырос, значит, Федька. Так, глядишь, и начальником станет, новым русским. Хотя они все бандиты. А Федор сидел, так что и ему место среди них найдется.

– Номер хороший, – выйдя из ванной, сказал Женя. – И вообще я Сибирь как-то иначе представлял.

– Это столица, – улыбнулся Яков Борисович. – Сибирь ты завтра увидишь во всей ее природной красе. А сегодня наслаждайся уютом. Я сейчас уеду. Вернусь не скоро. Меня не жди, ложись. Нам с тобой завтра долго ехать придется. Око-

ло двух часов лететь на вертолете, потом на вездеходе часа три. Так что набирайся сил.

– Значит, завтра я тайгу увижу, – обрадовался Женя.

– Ох как ты на нее насмотришься, – пообещал Яков Борисович.

– А можно я на улицу выйду? Погуляю возле гостиницы.

– Хорошо. Но пожалуйста, будь в видимости охраны отеля. Я предупрежу их.

– Не беспокойтесь, я не так уж и незащищен. Тем более здесь все-таки цивилизованный мир.

– Это гораздо опаснее, чем в тайге, – сказал Яков Борисович.

– А ты, Федор, совсем городским стал, – подмигнул гладко выбритому крепкому мужчине Артем.

– Да просто привык бриться, – усмехнулся тот. – На работу сейчас так не пойдешь, как раньше ходили. Должен быть прилично одет, спецовка обязательно чистая. «Вы, господа, представляете фирму «Светлый дом», – торжественно проговорил он и рассмеялся.

– А платят-то хоть нормально?

– Нормально. Правда, полгода к городу привыкал, здесь ведь все по-другому. И знаешь, – Федор разлил водку по рюмкам, – плохого гораздо больше. Вечером запросто можно на колотушки нарваться. И ограбить могут. Квартиру у нас один раз обворовали. Правда, тогда еще и брать-то нече-

го было: две тысячи рублей унесли, вазу и что еще? – посмотрел он на сидящую рядом симпатичную женщину.

– Воротник лисий и шапку мою из чернобурки, – вздохнула та.

– И с концами, – кивнул Федор. – Во второй раз пытались, но увидела их соседка из квартиры напротив, старушка, противная бабуля, все ей надо. Но тут она нас, можно сказать, спасла. Приезжаем мы с работы, а у нас милиция у двери. Замок воры сломали, а войти не успели, милиция приехала. Правда, никого не поймали. Потом кодовые замки поставили, но, один хрен, обворовывают. Нас, правда, пока Бог миловал.

– А дети-то где? – спросил Артем.

– В школе, к восьми придут. Во вторую смену учатся.

– Можно я с подругой встречусь? – спросила Маша. – Я ей позвонила, она сказала, что подъедет к дому.

– Коли подъедет, иди, – кивнул Артем. – Около домов-то не убьют, надеюсь?

– Да по-разному бывает, – ответил Федор.

– И где ты такое берешь? – удивленно спросил пожилой мужчина.

– Где и остальные, – засмеялся Ярослав, – в тайге.

– Да, такое чувство, – старик погладил шкуру чернобурки, – будто ты специальные места знаешь. – Он снова осторожно провел по меху пальцем. – Красота. Ты, Леший, уж не

отдавай на сторону-то. Если будут предлагать...

– Да ты давай расчет, – улыбнулся тот. – Мы же договорились, и пока и тебя, и меня все устраивает.

– Вон тот парень, о котором мужик говорил, – кивнул на выходявшего из гостиницы Евгения охранник.

– Да и заплатил неплохо, – хмыкнул второй.

Женя вышел на улицу и вжал голову в плечи, в лицо хлестнул снег.

– Здорово, – прошептал он. – Все-все по-другому. Красноярский край образован в тысяча девятьсот тридцать четвертом году. Сорок два района и четыреста шестьдесят девять сельских администраций. Охватывает восточную часть Западно-Сибирской низменности и горы Южной Сибири, Восточные и Западные Саяны, Кузнецкий Алатау. Климат резко континентальный. Мерзлотно-таежные, серые лесные и каштановые почвы, черноземы. Кедрово-лиственничная тайга, распаханнные котловинные степи...

– Bravo, юноша, – раздался у него за спиной женский голос. – Очень приятно видеть молодого человека – истинного патриота своего края.

– Я приезжий, – Женя смущенно улыбнулся, – только сегодня прилетел. Вот вспомнил, что знаю об этом крае, и вроде не ошибся.

– Ничуть, – сказала женщина в зимнем пальто с рыжим лисьим воротником. – Я учительница географии, меня зовут

Лидия Павловна. А вы, молодой человек, откуда?

– Из Москвы, Евгений Антонов.

– Вы приехали к родственникам, Женя?

– Меня привез человек, который, можно сказать, спас маму и меня. Простите за ненужные подробности.

– Ну что, все еще учишь? – вдруг раздался голос, и к ним подошли два крепких парня. Один, лет восемнадцати усмехнулся. – А я вот откинулся, треху за тебя оттянул. Может, забыла? – Он шагнул вплотную к учительнице.

– Почему же, – спокойно отозвалась Лидия Павловна, – помню. Степко Саша. Избил учительницу, которая поставила тебе двойку. Мы все считали, что дали тебе мало.

– А ты больше всех выступала, – усмехнулся Степко и толкнул ее в грудь. Женщина покачнулась, сделала шаг назад и упала в снег.

– Ты негодяй! – Евгений отвесил парню полновесную пощечину.

Тот резким ударом в подбородок сбил его на асфальт. Вторым пнул Евгения в бок.

– Помогите! – крикнула учительница.

– Закрой пасть, сучка, – нагнулся к ней Степко, – а то я тебя сейчас...

– Негодяй, – поднимаясь, простонал Евгений. – Как ты...

– Уделай его, Братан, – сказал Степко.

Тот снова хотел пнуть Евгения, но вдруг упал как подкошенный.

Евгений поднял голову и увидел подошедшего к ним высокого мужчину.

– Да ты, мужик, нарвался. – Степко выхватил нож.

– Не думаю, – ответил Ярослав.

Степко сделал резкий выпад, пытаясь полоснуть противника ножом. Ярослав сильно ударил его по локтю. Короткий хруст заглушил громкий крик Степко. Потеряв сознание, он упал. Братан вскочил, но, получив удар в солнечное сплетение, осел. Ярослав неторопливо пошел к гостинице.

– Женя... – Лидия Павловна наклонилась над парнем. – Вы целы?

– Извините, – ответил тот, – я не умею драться. Совершенно не знаю, как это делать. Я второй раз в жизни ударил человека. Простите, я не смог...

– Тем более, – улыбнулась учительница. – Вы настоящий мужчина.

Женя с трудом поднялся. Увидев его разбитый нос, Лидия Павловна достала из сумочки носовой платок.

Поднявшись по ведущей к гостинице лестнице, Ярослав остановился и пробормотал:

– Настоящий идиот. Погладить хулигана по щеке ладошкой не значит заступиться. Для этого надо иметь или большое сердце, или пустую голову.

– Я провожу вас до гостиницы, – предложила Лидия Павловна.

– Куда ты сука? – промычал, поднимаясь, Степко. – Канай

сюда, падла. Мы не...

– Ты негодяй. – Женя пошел на Александра, но тот ударил его ногой. Женя испуганно присел. Степко поскользнулся и упал.

Стоявший в некотором отдалении от них Ярослав, увидев это, подумал: «Молоток, реакция отменная, и не трус».

Женя выпрямился и повернулся к учительнице.

– Пойдемте, Женя, – поторопила она, – сейчас второй встанет.

– Я слабый, – вздохнул Женя, – но не трус и от подонков бежать не собираюсь. А в такой ситуации это будет именно бегство.

Ярослав увидел бегущих от гостиницы охранников, усмехнулся и отвернулся. Охранники стали пинать Степко и Братана.

– Идите в отель, Евгений, – сказал один. – Мы не сразу вас увидели. Идите, вас встретят.

– Хватит с них, – остановил вошедшего в раж напарника другой. – Давай его в номер, приведем в порядок.

Подбежавший третий повел Женю к отелю. Лидия Павловна смотрела им вслед. Повернувшись, взглянула на поверженных хулиганов и заторопилась к автобусной остановке.

– Я хочу узнать об этой женщине, – проговорил Женя.

Один из охранников бросился за Лидией Павловной. Ярослав докурил сигарету и пошел к гостинице.

– Все прекрасно, – довольно улыбаясь, бормотал Яков Борисович, – все подтвердилось. Значит, Гангстер не зря это затеял. Хорошо, что я многим обязан Николаю Арсеньевичу. Иначе я так ничего и не узнал бы. Надо все хорошенько проверить, время есть. Как там наш гений? – Он достал со-
товый.

– Вам как всегда? – улыбнулся портье.

– Да, – кивнул Ярослав. – И желательно...

– Я помню ваш вкус, – улыбнулся портье. – На двое суток и...

– Если все помнишь, зачем время тянешь, – недовольно остановил его Ярослав.

– Войнов Ярослав Павлович, – записал портье и поставил число.

– Зубы целы, – кивнула врач, – пара гематом на спине, одна на правом боку. Нос, конечно, немного распух, но кровотечение прекратилось. Слава богу, не пострадали губы. Сейчас немного крема, и никто ничего не заметит.

– Извините, – смущенно спросил Женя, – я могу узнать, чем вызвана такая забота обо мне?

– Причина простая, – ответил охранник, – ваш дядя просил за вами приглядеть.

– Мой дядя?

– Именно. Вы же с дядей приехали. По крайней мере он так сказал.

– Здесь все о ней. – Догонявший Лидию Павловну охранник отдал Жене листок.

– Спасибо. – Евгений улыбнулся и достал из кармана деньги. – Это вам за работу.

– Благодарю.

«Как это здорово, – подумал Женя, – отдаю последние деньги, а чувствую себя почти счастливым».

– Не понял, – сказал Яков Борисович. – Кто тебя? – ожег злым взглядом охранников.

– Да он вышел, – стал оправдываться старший, – на виду был. А потом ниже спустился. Ну и...

– Я добьюсь, чтобы вас уволили, – пообещал Яков Борисович.

– Они не виноваты, – вмешался Женя. – И сразу увидели, когда это началось. Просто я совсем не умею драться. Но все-таки первым ударил я. А еще меня один хотел ногой ударить, но ему помешал какой-то мужчина. Хулиган промахнулся и упал. А охранники успели.

– Ну, если так, – сказал Яков Борисович, – тогда живите.

– Извините, – в номер стремительно вошел мужчина, – я сегодня же уволю...

– Претензий к вашим людям нет, – ответил Яков Борисович. – Более того, я хочу отблагодарить их и вас, Леонид

Семенович. – Он отдал деньги охранникам и директору гостиницы. – Спасибо еще раз, а теперь я бы хотел остаться с племянником.

Когда все вышли, Женя спросил:

– Яков Борисович, почему вы называете меня своим племянником?

– Женя, – засмеялся Яков Борисович, – это для лучшего понимания ситуации окружающими. Иначе как еще объяснить мою просьбу присматривать за тобой? Надеюсь, ты не в обиде?

– Конечно, нет, – улыбнулся Женя. – Тем более что я очень хотел бы иметь такого родственника.

– Вот и чудесно. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, только немного болит бок.

– Тогда через полчаса пойдём ужинать.

– Яков Борисович, я познакомился с женщиной и...

– Прекрасно. Говори, где она, и ее немедленно...

– Нет, – Женя смутился. – Вы меня не так поняли. На улице я негромко повторял то, что знаю про Красноярский край, а она слышала.

– Понятно, хотя не совсем. И что?

– Я хочу ей помочь, – пробормотал Женя. – Она учительница, и, наверное, ей трудно...

– Вот что, мой дорогой, желание твое похвально. А не может ли твоя помощь обидеть эту женщину? Ты знаешь, где она?

– Да, – Женя протянул листок Якову Борисовичу, – здесь все указано.

– Интересно, как тебе это удалось?

– Я попросил охранника, он догнал ее, а потом принес мне эти сведения. Я отдал ему тысячу рублей.

– Я узнаю об этой Лидии Павловне, и тогда мы решим, чем ей можно помочь.

– Снова приехал? – улыбнулась полная женщина.

– Снова, – кивнул портье. – На двое суток и, как всегда, вызвал Анжелику.

– Главное, не скупится, – рассмеялась полная. – А кто он есть-то? Появляется раз в месяц, а то и реже. Денег полно, мужик очень даже ничего. При деньгах, и в постели, Анжелика говорит, хорош.

– Он два года назад появился. Когда уезжал, взял номер моего телефона и сказал – буду приезжать, когда ты работаешь. А мне что – бабки лишними не бывают.

– Почему ты стала проституткой? – спросил Ярослав.

– Да так получилось, – ответила лежащая рядом красивая блондинка. – Был жених, я родила... – Не договорив, она закурила. – А тебе это зачем? И сама спросить хочу: почему ты выбрал меня?

– А тебе это не нравится?

– Наоборот, очень нравится. Но не пойму почему. Ведь я

в любое время могу пропасть. Сам понимаешь, какая работа. Вчера двух девчонок изуродовали. На вечеринку брали, и все, отработали, теперь инвалиды.

Москва

– Как она, доктор? – тихо спросила Александра Андреевна.

– Намного лучше, чем было, – улыбнулся врач. – Хорошо, что ее так быстро забрали из той клиники. Сейчас дело идет на поправку. От зависимости она вылечится, точно. Если вы пришли к Ирине Николаевне, я...

– Не надо. И пожалуйста, не говорите ей, что я приходила. Держите меня в курсе дела. Если что-то понадобится, сообщите. Я все достану.

– И что? – спросил Кузнец.

– Да не хватает чего-то, – недовольно ответил худой мужчина в белом халате. – Нужен ингредиент...

– Давай попроще, – перебил его Кузнец.

– Еще что-то надо добавлять, – ответил худой. – Не хватает какого-то компонента. Знаешь, я не верил в это. А когда начал соединять все, то понял, что дело действительно идет к созданию...

– А не можешь найти этого, как его, ну недостающего, чтоб...

– Я даже примерно не представляю, что именно надо добавить. Я попробовал...

– А он-то что? – спросил Кузнец солидный мужчина.

– Он еще и не знает, что он гений, – усмехнулась симпатичная молодая женщина. – А сейчас вдобавок ко всему пропал. Зря вы, Эдуард Анатольевич, доверили это...

– Ему никто ничего не доверял. Интерес этого придурка совпал с нашим. А гений сейчас на месте, мы в любой момент можем воспользоваться его услугами. Кажется, этот момент настал.

– Надо везти гения сюда, – сказал Эдуард Анатольевич. – Поедешь ты, – кивнул он Кузнецу. – И, ради бога, без всякого насилия и грубостей. Просто привезешь. И предупреждаю – если с ним что-то случился, я с тебя сниму голову и с тех, кто с тобой будет, тоже.

– Да нормально доведем мы этого умника, – проворчал Кузнец.

– И чем скорее ты это сделаешь, тем дольше проживешь. – Эдуард Анатольевич посмотрел на художника: – А ты, Монах, как считаешь? Это действительно...

– Я абсолютно в этом уверен и просто жду не дожусь, когда же будет результат.

– Завтра привезут автора этой формулы. Завтра он будет в лаборатории.

– Почему ты не захотела повидать Ирину? – спросил Николай Арсеньевич.

– Не нужны мы ей сейчас, – ответила Александра Андреевна. – И тем более я чувствую свою вину перед ней за Же-

ню. Ведь я начала его воспитание, и в основном из-за меня он такой.

– Знаешь, при советской власти умели поощрять светлые головы.

– Я боюсь, что не сложится жизнь у Жени, слишком уж он беззащитен, неприспособлен. Правда, вдруг проявил характер – бросил университет и пытался уйти в армию. А что с ним сейчас? Я вот подумала и пришла к выводу, что не просто так Яков начал заботиться о Жене. Ну ладно, он помог Ирине, хотя я не пойму почему. Где он раньше был? Да, ты помог ему тогда, но почему он ни разу у нас не появился, а теперь через столько лет он неожиданно...

– И слава тебе господи. Я не знаю, какому богу свечку поставить. Ведь если бы не Яша, что было бы? Он и Ирину спас, и Евгения, я считаю, тоже. Правда, не знаем, где Женя, но надеюсь, что он позвонит. А сейчас надо было все-таки к Иринке зайти. Да, столько лет мы не знали, но в конце концов правы оказались мы. Артур сволочь, как мы и говорили. Почему вдруг он стал делать подлости Ирине? Из-за чего? Неужели все дело в завещании? Но Иринка ничего не смогла бы отдать ему, даже если бы захотела. Во-первых, я еще жив. Во-вторых, все отходит к Жене. Неужели Артур настолько глуп, что...

– Давай не будем говорить о завещании, – попросила жена.

– Мне совсем не хочется вспоминать ни об Артуре, ни о

том, что он приучал Ирину к наркотикам. Надо было заявить в милицию, хотя это и недоказуемо, но хотя бы напугало поддонка. А Ольга какова! Иринка привезла ее в Москву, сняла ей квартиру, устроила к себе на работу. Потом и компаньонкой сделала. А она, гадина, и под Артура легла, и, я уверен, наркотики подруге подсыпала. Ведь она каждый вечер с ней ужинала. А теперь даже не навестит.

– Ирина запретила пропускать к ней Таранину и Артура. Она вообще никого видеть не хочет.

– Дошло, что правы мы были, и стыдно стало. Понять ее можно, простого бабского счастья хотела – муж, ребенок, работа. Но не получилось. А Артура, ей-богу, убил бы не задумываясь, и пусть потом делали бы со мной что угодно. И если он появится, убью.

– И посадят тебя, а мне что делать останется? Только умереть.

– Ладно, пусть эта сволочь живет и мучается. Иринку жаль, конечно. Ничего у нее не выходит. Вроде бы и сын умница, и сама работающая и привлекательная, а нет счастья, и все тут.

– Скоро стану богатым, – заявил парень в очках, – так что благодарен я вам, родители. Если бы не вы, ничего бы не было.

– Хватит тебе, Сережа, – сказал коренастый лысый мужчина, – что ты мелешь не по делу. В лотерею, что ль, выиг-

рать собрался? Так сказки это. Человек только своими руками может себе жизнь устроить.

— Я буду очень богат, — сказал парень. — И вы в этом сами скоро убедитесь.

— Неужели собрался банки грабить? — насмешливо спросил отец. — Так там раз на раз...

— Хватит вам, — сердито остановила их женщина. — Давайте обедать.

— А правду говорят, что этот гений, Женька Антонов, университет бросил? — спросил отец.

— Да, бросил, в армию хотел уйти, а у него уже белый билет есть. Бабушка с матерью постарались.

— А с чего ты вдруг про богатство-то заговорил? — спросил отец. — Да так уверенно заявил. Я и подумал, может, ты в лотерею выиграл. Но никогда не видел, чтобы играл ты во что-то.

— Есть шанс стать богатым, и я его не упущу. Скоро и вы жить будете по-человечески.

— Ну это ты, Сережка, брось, — обиделся отец. — Я, например, живу очень неплохо. Жена красавица и умница, да и сын не дурак. И одеты, и обуты. Квартира двухкомнатная, машина имеется, и все ж какие-никакие деньжата есть.

— «Таврию» считаешь машиной? — усмехнулся сын. — А то, что мы...

— Хватит! — Отец грохнул кулаком по столу. — Уж больно вы хотите все сразу получить. Вот ты поступил в университет

и ушел. Почему?

– Так получилось. Но увидишь, что все это даже к лучшему. Университет я бы все равно не закончил. Не потому, что не могу учиться, а из зависти: большинство студентов – дети богатых, а мне завидно.

– Завидовать никогда никому не надо, – проговорила мать. – Потому что...

Договорить ей не дал дверной звонок.

– Кого еще принесло? – недовольно спросил отец.

– Сейчас узнаю. – Мать пошла в прихожую. – Кто там?

– Мария Антоновна, – ответил из-за двери мужчина, – нам бы Сергея увидеть. Откройте, пожалуйста.

– Кто там, мама? – вышел в прихожую Сергей.

– Сергей, – громко проговорил стоявший за дверью человек, – это я, Падкин Саша.

– Это ко мне. – Сергей открыл дверь.

В квартиру вошли трое.

– Здравствуйте, – улыбаясь, кивнул Кузнец. – Извините за беспокойство, но мы договаривались с Сережей.

– Родители, – сказал Сергей, – я уезжаю на несколько дней, от силы на неделю. Подвернулась работенка хорошая.

Кузнец вытащил из кармана конверт и протянул его хозяйке:

– Это аванс вашего сына. Уверяю, ничего криминального нет и не будет. Сергей – замечательный химик и будет работать на одну фирму: духи, дезодоранты и разная косметика.

Нас заинтересовали его предложения, и мы, проверив их на деле, решили подписать с ним контракт. Это аванс, – повторил он. – Сережа заявил, что сейчас ему деньги не нужны, и просил отдать их вам.

– Нам? – удивился вышедший из кухни отец. – А сколько тут? – посмотрел он на конверт.

– Тысяча евро, – ответил Кузнец.

– Сколько?

– Я сейчас вещи возьму. – Сережа ушел в свою комнату.

Отец открыл конверт и начал считать деньги.

– А вы, выходит, с такими харями представляете фирму по производству туалетной воды? – недоверчиво спросил он. – А ну-ка покажите документы.

– Да ты что, Коля! – всплеснула руками жена. – Как же...

– Это даже хорошо, – улыбнулся Кузнец. – Значит, ваш сын не может попасть в плохую компанию. Пожалуйста. – Он протянул удостоверение и паспорт. Его товарищи тоже достали документы.

– «Частное охрannое предприятие», – прочитал отец. – Кузнецов Тимофей Павлович. Фирма «Свежесть». Ну что же, – он вернул документы Кузнецу, – извиняйте. Но поймите, сейчас...

– Все нормально, – улыбнулся Кузнец.

– Я готов. – Сергей с рюкзаком вышел в прихожую.

– Ты хоть звони, – попросила мать.

– Будет обязательно, – улыбнулся Кузнец.

– Ирина Николаевна, – в палату заглянула медсестра, – к вам тут женщина пришла. Очень просит...

– Кто? – спросила Ирина.

– Ольга Таранина.

– Пусть идет к черту! Или куда подальше, так и передайте.

– Хорошо, – улыбнулась медсестра, – и сделаю это с удовольствием. Есть такие люди, которых хочется отправить...

– Вот вы и получили такую возможность, – засмеялась Ирина.

– Что-то без тебя не выходит ни хрена, – сказал Кузнец.

– Все выходит, – улыбнулся Сергей. – Просто вы что-то не то или не так делаете. Если бы вы не верили, что что-то получится, то вряд ли приехали бы за мной да еще и денег оставили. – Сколько там? – спросил он.

– Ты же слышал, тысяча евро. Твои старики просто обалдели, – рассмеялся Кузнец.

– Я им говорил, что буду богатым, они не верили.

– Обязательно будешь, если, конечно, не подведешь хозяйина. Ну а если не выйдет ни хрена, не бойся. Квартирка у вас двухкомнатная, машинка пусть и дерьмо, но есть, да и предки не особо старые. И работают. А если твои не успеют бабки потратить, тогда особо и не придется вкалывать. Потихоньку, полегоньку. Мать твоя еще ништяк выглядит, так что...

– Ты маму не трогай, – зло перебил его Сергей. – А то...

– Я просто говорю, что будет, если ты нам мозги пудрить вздумал.

– Е-мое, – пробормотал отец Сергея. – Я уверен был, брешет сынок. А тут все чин по чину. И удостоверения, и паспорта. Контракт, значит, имеется. Вот это хрен. – Заплаканная жена сидела неподвижно. – На морды посмотреть – так чистые бандюки, а получается, что сын-то в люди выбился. И не грузчиком будет, а в парфюмерном деле.

– Она не приняла меня, – сердито говорила Ольга. – Медсестра с таким удовольствием послала меня на три буквы. Так, говорит, велела Антонова сказать. «Вы уж не обижайтесь, но мы выполняем пожелания больных».

– Твою мать, – буркнул Оховенко. – Но как узнать, где Женька? О нем сейчас многие спрашивают. И даже бабки предлагают. Что это он вдруг так всем понадобился?

– Его друг университетский приходил. Старше Женьки на три года, кавказец какой-то. А с ним темнокожий парень. Искали его. Вы, говорит, не знаете, где Женя Антонов? Он нам очень нужен. Я отвечаю – не знаю. А зачем он всем вдруг понадобился?

– Да вот и я подумал, на кой хрен он нужен всем стал?

– Вы должны найти его, – потребовал темнокожий молодой мужчина. – Если найдете, получите по три тысячи дол-

ларов.

– Подожди, Махмуд, – спросил светловолосый парень, – но где мы его...

– Если вам нужны деньги – найдете.

– Да я без понятия, где он, – сказал пожилой небритый мужчина. – Уехал, а куда – не сказал. Он мне никогда ничего не говорит. Приедет, даст денег, купит что-нибудь из еды и одежды, и все. Я не знаю, когда его увижу в следующий раз. А номера телефона он мне не давал. Говорит, узнаю, что умер, приеду похоронить. Это он шутит так.

– Значит, сказать, где Яшка, не можешь? – спросил старший лейтенант милиции.

– Нет. А ежели честно, то и знал бы, не сказал. Что ж это я, родного брата буду ментам сдавать? С меня за то и спросить могут. Ведь все меняется – и строй в стране, и власть. Только в зоне все одно и то же. И спрашивают, как и прежде, за стукачество. Это в вас все...

– Хватит! – гаркнул милиционер. – А то ты у меня сейчас в ИВС поедешь.

– Ты кого пугаешь, ментяра? – усмехнулся небритый. – Да и не за что меня брать. Если только за яйца.

Удар дубинкой по спине заставил его вскрикнуть.

– Не тронь его, – хмуро бросил старлей старшему сержанту. – А то Яков, его брат, адвокат классный, засудит на хрен. Поехали. – Он шагнул к машине.

– А что он наделал-то? – усаживаясь за руль, спросил старший сержант.

– Да ничего вроде. – Старлей сел рядом. – Просто кому-то из начальства очень понадобился, а где он, никто не знает.

– Привезли Суздальцева, – сообщил Кузнец. – С ним сейчас Монах разговаривает. И Рената там. Но кажется, Монах недоволен, и Рената сердится.

– Ладно, – кивнул Эдуард Анатольевич. – Надеюсь, он что-то знает. Ну а если нет, то наверняка поможет найти этого гения. Странно, что он исчез. Неужели он не понимает, что может разбогатеть фантастически? Над этим уже сколько лет бьются великие умы по всему свету, а бедный студент получает то, о чем они мечтают, и исчезает. И мы, к сожалению, узнаем об этом случайно и последними. Надо выяснить, кто еще интересуется им. Конкуренция хороша в производстве товаров широкого потребления, но не в нашем случае. Постарайтесь узнать, где он может быть. Я уверен, что Суздальцев был всего-навсего писарчуком. Конечно, хочется, чтобы он сумел восстановить формулу, но я в это почти не верю.

– И правильно делаете, – сердито проговорила вошедшая Рената. – Он делает вид, что вот-вот вспомнит, но это игра, он боится.

– Успокойте его, – сказал Эдуард. – Все-таки он что-то может вспомнить. Ведь ты говорила, что Суздальцев умный и понимающий студент. А сейчас я его понимаю.

– А что делать, если он так и не вспомнит ничего? – спросила Рената.

– Убить. Я не могу рисковать. Родителей – тоже. – Эдуард Анатольевич посмотрел на Кузнецца: – Они видели тебя, ты показал им документы.

– Понял, – кивнул тот.

– Но не сейчас. Ты предупредил родителей этого умника?

– Нет, как-то не подумал...

– Это плохо. Пусть он позвонит старикам и скажет, чтобы они никому не говорили про деньги, а то узнает налоговая и он будет получать гораздо меньше.

– Ты дурак! – рассердился Монах. – Тупой самовлюбленный индюк.

– Но я просто забыл, – пробормотал Сергей. – Я обязательно вспомню.

– Кто сумел извлечь продукт?

– Мы все, – тихо проговорил Сергей, – это вышло совершенно случайно. Мы...

– Кто «вы» и кто «все»? – перебил Монах.

Красноярск

– Сегодня полетим, – сообщил Яков Борисович. – Ночевать ты будешь уже в таежном поселке. Конечно, там есть электричество, телевизор показывает несколько программ, но все-таки это уже тайга. Помоешься в сибирской баньке. Из парной в снег и обратно. Ощущения, скажу тебе, незабываемые. Когда я понял, что должен прыгнуть в большущий сугроб, думал, сердце не выдержит. Но оказалось, это очень приятно и полезно. Но долго в сугробе не оставайся, можешь простудиться.

– Подождите, Яков Борисович, – спросил Женя, – прыгать в сугроб из парной обязательно? А что такое парная?

– Что такое баня, ты знаешь? – насмешливо спросил Марковский.

– Я в кино видел, как моются в деревенской бане и прыгают потом в снег. Но не понимаю зачем.

– Это делается для укрепления здоровья.

– Но я всегда боялся холода. – Женя поежился.

– Сам решишь. А сейчас давай съездим к Лидии Павловне Саниной. Она действительно очень бедствует. Живет с дочерью, которой семнадцать лет. Дочка учится в педагогическом институте, и им приходится нелегко. Поможем деньгами, ну и еще чем-нибудь.

– А как мы это объясним?

– Поедем поговорим с ней, там все и решится. Знаешь, я богатый человек. Зарабатываю хорошо, не ворую, честно плачу налоги, хотя иногда не хочется. Но нарушишь закон по мелочи, и это войдет в привычку. Несколько раз хотел заняться благотворительностью, но что-то не получается у меня. Посылать в детские дома тоже не решался. Почему-то мне кажется, деньги эти до детей не дойдут. Так я и не стал благотворителем. Лидия Павловна потеряла в девяносто шестом году на войне мужа. Он был вертолетчиком. Ей тогда было двадцать три года. Она училась и одна воспитывала дочь. Кстати, девушка очень хороша собой, ее зовут Настя. Ее обидчиков, Степко и Братина по прозвищу Братан, немного воспитали. И знаешь, Лидия Павловна очень благодарна, как она говорит, интеллигентному юноше за помощь. Правда, она считает тебя племянником какого-то состоятельного человека. Решать, что и как говорить, оставляю за тобой.

* * *

– Здравствуйте, – кивнул Ярослав открывшей дверь Лидии Павловне.

– Ярослав, добрый день. Снова приехали, – улыбнулась она. – Вы единственный, кто...

– Это вам. – Он сунул в открытую дверь большой рюкзак. – Это тоже. – Он поставил в прихожую два пакета с про-

дуктами. – До свидания. – И повернулся к лифту.

– Подождите, Ярослав. Во-первых, еще раз спасибо, что спасли от хулиганов. А во-вторых, я совсем ничего о вас не знаю. А вы единственный, кто помнит моего Виктора. И я хотела бы, чтоб вы рассказали мне, как он погиб. Я хочу знать правду.

– Правду? Если бы ваш муж, старший лейтенант Санин, был трусом, я приходил бы к вам?

– Нет, но я уверена, что вы видели, как это произошло.

– Хорошо. – Ярослав шагнул в квартиру. – Чаем угостите?

– Конечно, – кивнула она.

– Все, – сказал Артем, – наконец-то домой едем. Как у меня башка болит от этих городов. Сколько раз зарок давал не приезжать. Ну а если уж очень надо, то...

– Еще бы голова не болела, – насмешливо проговорила Алена. – Вы с Федором вчера столько выпили, что можно было...

– Черт возьми, а ведь действительно. Но похмеляться буду дома. Если, конечно, живым доберусь.

Алена рассмеялась и достала из сумки банку пива.

– Вот, – протянула она Артему, – вы мне живым нужны.

– Извините. – Услышав звонок, Лидия Павловна встала из-за стола. – Я сейчас узнаю кто и сразу же вернусь. Кто там?

– Лидия Павловна, – услышал она мужской голос, – это

Евгений Антонов, помните...

– Да-да, – улыбнулась она. – Конечно, помню. Разве можно забыть такого воспитанного и эрудированного человека. – Она открыла замок и толкнула дверь.

– Добрый вечер, – сказал Марковский, – я дядя этого эрудита, Яков Борисович.

– Лидия Павловна, – назвалась она. – Проходите, угощу вас чаем с вареньем из голубики.

– Кого, интересно, там принесло? – услышав голоса, недовольно пробормотал Ярослав.

– Познакомьтесь. – Лидия Павловна вошла в кухню. – Ярослав Войнов, однополчанин моего мужа. А это тот самый молодой человек, я вам рассказывала.

Ярослав, не вставая, протянул руку и представился.

– Привет, Война, – усмехнулся Яков.

– Колобок, – изумился тот. – Черт возьми, Колобок.

Лидия Павловна удивленно смотрела на них.

– Здорово, прапорщик. – Марковский протянул руку.

– Привет, старлей. – Ярослав поднялся, они обменялись рукопожатием.

– Вы знакомы? – спросила Лидия Павловна.

– Воевали вместе, – кивнул Ярослав. – Колобок был ранен и не знал вашего мужа. А я видел, как он погиб. Вертушку сбили из ПЗРК, но старший лейтенант Санин посадил машину. «Чехи» пытались взять его живым, но он отстреливался. Мы не смогли вытащить его. Четверо было нас, и все

ранены. Даже стрелять не могли. Если бы Виктор ушел, нас бы «чехи» взяли, а он держал их около получаса, потом застрелился. А через пять минут подошли два бэтэра и нас забрали. Он тогда нас четверых спас. Из тех четверых в живых остался только я. Многие боевые товарищи тоже погибли. Живы еще трое, но они спились. Девяносто шестой – год позора и унижения Российской армии. И множество полуманных жизней. А ты, значит, выжил и процветаешь. – Ярослав окинул взглядом Якова.

– Работаю, – улыбнулся тот. – Адвокат я, защищаю всякое отребье, порой самому противно, но если выбрал такую профессию, защищай. А ты?

– Из армии я ушел. Точнее, выбросили. Хорошо, под трибунал не угодил. Дело завели, но потом остановились. А этот герой твой племянник? – Он посмотрел на Женю. – Видел я его вчера, – улыбнулся он.

– Значит, это вы вмешались, – сказал Женя. – Спасибо, а то бы...

– Да ты и сам неплохо управился, – засмеялся Ярослав. – Драться совсем не умеет, а полез. Мужик, – одобчительно добавил он. – А ты, значит, в адвокаты пошел.

– Да я призван был сразу после института. Ну и попал в Чечню. Там же полный беспредел был. Били наших духи, а солдаты частенько на мирных жителях отыгрывались. Да в то время мирных почти и не было. Ярослав не выдержал и сорвался, троих расстрелял, – сказал Лидии Павловне Мар-

ковский. – Вроде мирные жители, но нашли у них две снайперские винтовки и автомат. А предыдущей ночью из этих винтовок были убиты двое солдат. Ярослав нашел этих троих и расстрелял. Его арестовали и хотели отдать под трибунал. Но тут Басаев захватил больницу в Буденновске, дело каким-то образом прекратилось. А те трое, которых Ярослав кончил, тоже должны были в Буденновск с Басаевым ехать. Это выяснилось...

– Поэтому прапорщика Войнова и вышибли из армии, – спокойно сказал Ярослав. – А ты, значит, знал о моем деле?

– Да. Я и доказал, что эти трое были связаны с отрядом Басаева. Дело против тебя прекратили, но чтобы избежать осложнений, тебя просто уволили по истечении контракта.

– Так и было, – кивнул Ярослав.

– И где ты сейчас? – спросил Яков.

– Поселок Чадобец. Жил один, зол был на всех, поэтому сторонился людей. «Чехов» вообще на дух не переношу. Мужика одного в тайге нашел, его шатун порвал. Вот и тащил его до Чадобца, да так там и остался. Домик пустой стоял, я его и занял.

– Погоди, а мужика того не Артем зовут?

– Ты что, – удивился Ярослав, – знаком с Артемом, Колобок? Выходит, Артем тоже в Чечне был?

– Да, – кивнул Яков. – Как и ты, прапором в мотострелках. Ранен был, и списали его.

– Понятно. Значит, ты Колобок, который к Артему в гости

едет. — Ярослав рассмеялся. — Вот это да!

— Добрый вечер. — В кухню вошла красивая девушка.

— Моя дочь Настя, — гордо представила девушку Лидия Павловна.

Евгений не отрываясь смотрел на девушку.

— Вот этот человек. — Лидия Павловна подвела к Жене дочь. — Я рассказывала тебе о нем.

— Спасибо вам, — смущенно проговорила Настя, — за помощь маме. Спасибо.

— Да я ничего и не сделал, — растерянно пробормотал Женя. — А вы очень красивая, — неожиданно добавил он.

— Настя, — опустив глаза, прошептала девушка.

— Я знаю, мне говорили, что...

— Имя свое назови, студент, — толкнул его локтем Ярослав.

— Евгений, — торопливо представился юноша, — Антонов.

— Может, отметим это дело? Знакомство и вообще. — Ярослав посмотрел на Лидию Павловну.

— Разумеется, — согласилась хозяйка. — У меня есть бутылка вина, я сейчас...

— Я сметаюсь в магазин, — поднялся Ярослав, — и все куплю.

— Я с тобой, — пошел за ним Яков.

Поселок Чадобец

– Надолго? – спросила Дарья мужа.

– А кто его знает, – проворчал Данила. – Может, завтра и умотает. Меня вот что тревожит – дочь Тарапова с ним. Вдруг чего выйдет, ведь пришибут стервеца нашего. И я ничего поделатъ не смогу. Сама знаешь, какой зверь Тимка Тарапов. И отказать нельзя.

– Да успокойся ты, чему быть – того не миновать. Ты ж сам Алику не раз говорил: если искать девку, то чтоб и при деньгах родители ее были, и уважением пользовались. Вот и нашел он себе такую. Тимка Тарапов и при деньгах, и уважают его.

– Но это самое уважение может нам боком выйти. Алик по части девок дурень, сама знаешь. Ведь чуть было не изнасиловал Машку, племянницу Артема Медвежатника. Прибил бы он тогда и Алика, и приятелей его. И пришлось бы мне за сына кровь пускать. И кто знает, что из этого вышло бы. Артем тот еще хищник, и воевал, и не трус. А за свою племянницу, он же ее дочкой зовет, Медвежатник устроил бы кровавую баню. Вот чего я и боюсь. Подопьет Алик и полезет к Лизке-то. А та, ты сама видала, девка с гонором. Оттолкнет, а Алик...

– Да они, видать, уж давно спят, и Тимка не против этого. Он что, не знает, что дочь его спит с Аликом нашим? Зна-

ет. А чем мы плохи? И уважение имеем от других, и сила есть. Побаиваются нас. И Алик не дурак, врачом будет. Так что зазря ты волнуешься, Данила. К тому же понимает Алик, что, если промашку допустит, не жить ему. А что за девка с Толькой Лузиным? Сашка Лузин ведь бандит чистой воды, а Толик вроде нормальный парень, и приветливый, и вежливый. А вот кто с ним, не знаю. Но видно, что родители тоже непростые. А девка с ним запросто держится. И спят вместе, и домой она звонила – я слышала, как говорила и про Толика. В общем, чему бывать, как говорят, того уж никак не миновать. Правда, лучше бы, если б Алик наш нашел нормальную девушку из хорошей семьи. А то ведь Тимка...

– Да кому из хороших-то нужен наш Алик? А если у него с Лизкой сложится, это очень даже хорошо. И гулять не будет налево. Если Тимофей прознает, враз кастрирует. Только вот я думаю, что ежели родит Лизка внуков, то не особо мы их видеть-то будем, Тимофей их к себе заберет. И Галка его та еще стервоза – уж больно любит из себя строить королеву. А сама ведь из эвенков. Отец хохол был, а маманя эвенка. Батьку ее года три назад зарезали. Из-за пушнины спор горячий вышел. И маманю тоже убили. За что, не знаю. А Галка сколь годков с Тимкой живет, и ничего, на плаву держится. И сама вроде как денгу неплохую имеет. Если сойдутся наш Алик и Лизка, то ни им к нам не ездить, ни нам к ним. Ну, может, иногда просто накатят на пару часиков, и все.

– Маман! – раздался громкий голос. – Пора бы и пожрать

немного. Да и принять твоей настоечки. – Из домика для гостей вышел рослый парень.

– Я те сколько разов говорить должен, – зло начал Данила, – никаких «маман».

– Извини, батя, – усмехнулся Алик, – просто привычка. Мама, похавать надо бы. Ну и принять чего-нибудь горячительного. Твоя настоечка очень неплохая, виски напоминает.

– Готово уже все. – Дарья пошла к большому дому.

– А ты погодь, – остановил сына Кабан. – Ты мне как на духу скажи: что у тебя с Лизкой? Поспали, и в разбег? Или серьезно?

– Да я и сам пока не знаю, – ответил сын. – Пахан у нее мужик очень серьезный. И если попаду Лизке в мужья, то, похоже, кончится свободная жизнь. Правда, особо беспокоиться ни о чем не надо будет. Есть и бабки, и все остальное, но...

– Тебе так и надо, совсем загулялся, как кот мартовский. Сколько девок перепортил, кобелина.

– Ну, батя, тут уж я весь в тебя. Ты, кстати, до сих пор еще соседок...

– Цыц, едрена корень! Ты вот что поведай, кто это с Толиком? Вроде...

– Танька Орехова. У ее маман банк. И на привязи у нее Котин, хозяин частного охранного предприятия. Банда это, только узаконенная. У него с маман Танькиной любовь. А Элла Сергеевна та еще царица. И ментов подкармливает, и

с бандюками у нее в шоколаде. Золотишко моет, есть у нее две артели. А пахан Толькин...

– Да знаю я, кто его отец. А тебе вот что еще сказать хочу – ты бы особо не рисовался в поселке, а то увидит Медвежатник – быть худу. Он постоянно о тебе вспоминает. Повезло тебе тогда, что ты со своими дружками не смог Машку...

– Да мы и не хотели, поугали только. А что касается дядьки Артема, не советую я ему меня трогать – пришибу ненароком.

– Ох и достанется тебе в жизни, сынок. Медвежатнику тебе хребет переломить что ширинку расстегнуть. И чтоб я такого не слышал. Мне тут жить, и не желаю из-за тебя портить отношения с местными.

– Что это старый на Алика наезжает? – спросила красивая брюнетка.

– Воспитывает, – усмехнулся крепкий парень. – И волосы длинные, и ведешь себя не так. Одним словом, тайга.

– А мне здесь нравится, – проговорила хорошенькая девушка со светлыми волосами. – Воздух свежий, еда замечательная. Конечно, жить здесь я бы не согласилась, но вот так приезжать на неделю – с удовольствием. А летом здесь вообще, наверное, прекрасно.

– Тань, а чего маманя твоя не возит тебя в деревню куда-нибудь? – спросил парень. – Ведь она запросто может домике купить где хочет.

– Да это не то, здесь просто люди живут. И ругаются, и мирятся, и праздники какие-то себе устраивают. Вон вчера вечером гуляли там, – кивнула она налево.

– Да не у всех так хорошо, – сказал парень. – Это Кабаны сумели устроить себе жизнь. А большинство, видела, ходят как нищие и жрут...

– Телевизор и то не у всех есть, – заметила вторая девушка.

– Мне здесь нравится, – отрезала Таня.

– Так в чем дело? – усмехнулся Алик. – Запросто можешь купить или построить дом, и живи. Но через месяц начнешь скучить: мамочка, милая, заberi меня, пришли вертолет. Да и сейчас дня через три начнешь домой проситься. Одно и то же постоянно. Я, например, тут просто с ума сходил. Поэтому и поступил в институт. Куда угодно, только подальше от этих таежных прелестей.

– Что отец говорил? – спросила Лиза.

– Да так. Ему только дай повоспитывать. Забыл уже, что я большой мальчик.

– Если бы не отец Лизы, – заметил Толик, – ты бы своих стариков давно общипал. Скажешь, не так? Но старики твои тоже на плаву. И уважением пользуются, и побаиваются их тут. А там чья хибара? – показал он на двухэтажный особняк над рекой.

– Воеводы, – ответил Алик. – Есть тут такой Семен Андреевич, фамилия Воеводский.

– Подожди, – остановила его Таня, – это который с Изабеллой Граббе встречается?

– С ней. Та еще стерва, мужиков меняет как перчатки.

– Она и с твоей маман схватывалась, – усмехнулась Лиза. – Ты, Танька, вижу, поэтому на нее так и...

– Мне до нее никакого дела нет, – ответила Татьяна. – Просто терпеть не могу таких. Строит из себя непонятно кого.

– А она ничего выглядит, – сказал Алик.

– Что? – усмехнулась Лиза.

– Да я говорю как есть, – стушевался Алик.

– Я тебе вот что скажу, милый: если еще раз посмеешь при мне восхищаться другой женщиной, я уйду от тебя, и ты потеряешь все. Надеюсь, ты это понимаешь? – насмешливо спросила Лиза.

– Да я просто сказал, что Изабелла выглядит неплохо, – стал оправдываться Алик.

Татьяна и Толик рассмеялись.

– Чего ржете? – зло спросил Алик.

– Ты особо-то не блатуй, – предупредил Анатолий, – а то на место поставить тебя запросто можно. Мне, например, чхать, что тебя ее отец крышует, – кивнул он на Лизу. – Я сейчас вызову вертушку и улечу, но ты...

– Хватит, – остановила их Таня. – А ты, Лиза, тоже не выделывайся. Твой отец не одобрит, если ты порвешь с Аликом, и ты это отлично знаешь.

– Что ты сказала? – Лиза шагнула к Татьяне.

– То, что слышала.

– Хорош, девочки. – Толик втиснулся между ними. – Еще не хватало женской драки. Я, конечно, иногда с удовольствием наблюдаю за подобными шоу, но не сейчас и не с вами в главных ролях. Ни для кого не секрет, что старик Алика многим нужен. И моему батяне, и твоей мамане, и, разумеется, Тимофею Ильичу. Может даже быть такое, что наши родители схватятся из-за этого. Конечно, все будет зависеть от Данилы Матвеевича. Шансов у твоего отца, Лиза, гораздо больше. Да ты сама все прекрасно понимаешь.

– Так вот в чем дело, – пробормотал Алик. – Понятно. А я, дурак, раскатал губу, – посмотрел он на Лизу. – Значит, золотишко вам всем нужно. Хорошо, что сказал, Толик. Но тут решать я буду, кому и сколько.

– Не строй из себя хранителя золотых запасов, – усмехнулся Анатолий, – все гораздо проще. Твой старик моет золото, а может иметь в три раза больше. У него будут охрана и рабочие, если он покажет место. Получит бабки и никаким боком к этому не будет причастен. С ним будут решать эти вопросы, а не с тобой. И еще. Если вдруг ты своему батяне шепнешь против, лучше в Красноярске не появляйся. Понятно излагаю?

– Все очень понятно, – кивнул Алик. – Значит, нет ни дружбы, ни любви, одна выгода. – Он рассмеялся. – А тебе спасибо, что объяснил.

– Все, – сказал Анатолий, – давайте прекратим выяснение отношений. Все равно ты скоро все узнал бы. Но до весны еще далеко, а мы дети своих родителей и, надеюсь, не станем врагами. Таня, ты мне очень нравишься, и мне все равно, кто твоя мама, но вытирать о себя ноги не дам. Пойдемте завтракать, – увидев машущую рукой хозяйку, предложил он. – Сегодня потеплело, всего двадцать один, а ночью до сорока было.

– До сорока здесь часто опускается, – сказал Алик. – В Красноярске обычно...

– Да идете вы али нет?! – сердито позвала их Дарья.

– Послушай, милая, – сдержанно говорил Воевода, – мне не нравится, когда меня контролируют, а уж когда лезут в мои дела, и подавно...

– Отец все тебе объяснит, – улыбнулась Изабелла. – И я не понимаю, чем ты недоволен. Все получилось прекрасно. Ты сохранил деньги и рассчитался с долгами. Но если желаешь, то все можно вернуть назад. Я только позвоню папе и скажу, чтобы он выслал за мной вертолет. И все, – Изабелла засмеялась, – ты будешь снова...

– Извини, – буркнул он. – Просто я никак не привыкну, что в моей жизни появилась женщина. Я всегда считал, что дело женщины – вести хозяйство и рожать детей...

– Нет, милый мой, сейчас все больше женщин в политике, в настоящем бизнесе. Если тебя не устраивает мое...

– Давай не будем больше об этом. Только не надо так перед моими людьми.

– Хорошо, дорогой. – Изабелла поцеловала его в губы. – Прости, я об этом не подумала. Я больше не буду демонстрировать свое превосходство. Но ты не станешь принимать быстрых необдуманных решений.

– Где Артем? – спросил вошедший Ярослав.

– А что? – взглянула на него Алена. – Тебе-то он на кой черт понадобился? Или...

– Колобка доставил.

– Какого колобка? – удивленно переспросила она и, вспомнив, ойкнула. – Так пусть входит.

– Здравствуйте, – обметая веником снег с обуви, кивнул Яков Борисович. – Вы извините...

– Входите, – пригласила она. – Я не ждала вас сегодня. Сейчас баньку истоплю и поесть приготовлю. Кое-что готово, но гостям...

– Не хлопочи особо-то, – остановил ее Ярослав. – Мы все с собой привезли.

– Все, да не все, – рассердилась Алена. – Домашнее всегда и лучше, и вкуснее, да и пользы больше, а банька после дороги необходима. Сейчас баньку истопим. Быстро у нас она греется, Артем строил.

– А где он сам-то? – спросил Ярослав.

– Пошел куропаток собрать. Он под холмом лунки наде-

лал. Каждый вечер по пять, а то и по шесть приносит. Они к поселку близко не подлетают, но все равно есть.

– Что еще за лунки? – тихо спросил Ярослава Яков.

– Да увидишь. Дело нехитрое для лодырей. – Ярослав рассмеялся. – Конечно, раз на раз не приходится, но все ж иногда куропатка есть. И не ходи, не броди, не жги патроны.

– Да, – недовольно говорил присевший перед обледенелой лункой Артем, – не густо сегодня. Всего три. Видать, кто-то напугал. Если б выбрали, следы были бы.

– Тимофеич! – услышал он. – Давай домой быстрее, гости приехали! – Артем повернулся и увидел спускавшегося с холма Прохора. – Который звонил тебе, приехал, его Леший привел. И парнишка с ими какой-то. Как я понял, племяш Колобка твоего. А он действительно как колобок, – хохотнул Прохор.

– Колобок приехал?

Сунув в сумку три замерзшие тушки, Артем быстро пошел на лыжах к поселку.

– Да погоди ты! – пытаюсь догнать его, крикнул Прохор. – Меня-то приглашаешь али нет?

– Приходи.

– И на том спасибо.

– Здравствуйте, – остановилась у двери Маша. – Вы и есть Колобок?

– Да, – усмехнулся тот. – Военное прозвище. Пришлось малость повоевать.

– Ничего себе малость, – сказал Ярослав. – Дважды ранен был. Жгли наши танки на Минутке, а он спасал танкистов и остальных раненых вытаскивал. Сам дважды на пулю нарвался. И в рукопашной на вокзале сошлись, молодец, Яшка, – засмеялся он. – Вроде и росту не хватает, и полноватый, а бил очень даже прилично – и захваты, и броски, и удары. И ногами, кстати, неплохо работал.

Женя удивленно посмотрел на Марковского.

– Да тут все дело как раз в моей внешности, – сказал Яков. – Вроде как недомерок, и упитанный всегда был. Вот и начал заниматься и боксом, и самбо для самоутверждения. И неплохо у меня это получалось. А в Чечню сам напросился. Вдруг захотелось себя в самом мужском деле проверить – на войне. Правда, потом очень тяжело было. В девяносто шестом нас на колени поставили. Когда Масхадов в Кремле в папaxe договор подписывал... – Марковский выругался. – Извините, не могу вспоминать это без мата.

– Да я понимаю тебя, – кивнул Ярослав.

– Здорово, Колобок! – В дом ворвался Артем. Обхватив Якова, он приподнял его.

– Да тише ты, оглашенный! – всплеснула руками Алена. – Кости переломашь ему. Поставь обратно!

Маша и Женя рассмеялись.

Москва

– И что скажешь? – спросил Эдуард Анатольевич.

– Да чего тут говорить? – недовольно отозвался Монах. – Не может он ничего. Видно, что пытается вспомнить, но безрезультатно. Не хватает чего-то. Кажется, вот оно, сейчас будет препарат, но хренушки. У меня уже нервов не хватает. Он боится. А страх – никудышный помощник в любом деле. И правду не говорит. Заявляет, что все это он и какой-то Дымок придумали. Надо Дымка везти сюда.

– Снова кого-то везти. С этим уже не знаешь, что делать. Отпускать нельзя, а держать тоже ни к чему. Суздальцев, мать его в печенку. Но Рената уверенно говорила, что это работа Суздальцева.

– Какого же черта он так себя ведет? Может, действительно боится. Но надо как-то это решать, а то дело может провалиться не начавшись. Узнать надо у Ренаты, кто такой Дымок и как его взять. Родителям Суздальцева звонили?

– Парень сам звонил и сказал как надо. Они пару недель поднимать шум не будут. И говорить о сыне тоже ничего не станут. Он сумел их убедить, что так денег получит гораздо больше. Но сам, видимо, что-то понял и ужасно испугался. За ним я поставил наблюдать двоих. Он может попытаться сбежать.

– Ладно, две недели молчания у нас есть. Надо думать,

что дальше. Впрочем, если от этого придурка толку не будет, придется ликвидировать и его, и родителей. А Дымка, так, кажется, ты его назвал? – Он посмотрел на Монаха. Тот кивнул. – Надо вызывать Ренату и узнавать об этом Дымке. И если он действительно чем-то может помочь, везти его сюда.

– Дымкин Петр Михайлович, – входя, проговорила Рената. – Да, они вместе с Суздальцевым писали это. Он живет в Подмосковье, в Щелкове. Один сын у матери, у нее вся надежда на него. Сама она никто, на рынке торгует. Петьку тоже исключили из университета за торговлю порнофильмами.

– Так почему он не здесь? – строго спросил Эдуард Анатольевич и тут же засмеялся. – Мне нравится с тобой работать, ты все знаешь заранее, профессионал.

– Я не люблю ошибаться и стараюсь все предусмотреть. Тем более что это моя инициатива – заняться разработкой...

– Все, – Эдуард Анатольевич остановил Ренату. – Дай адрес Дымкина, расскажи, как его легче забрать. Ну, чтоб без последствий.

– А последствий и не будет. Насколько мне известно, он с матерью в постоянном конфликте. Если говорить точнее, неблагодарный сын. Мать старается все делать для него, а он возомнил себя...

– Понятно. Значит, взять его...

– Он обычно у своей любовницы. – Рената перелистала записную книжку. – Зайцева Антонина Сергеевна. Старше его на семь лет. Есть двухлетняя дочь. Работает в больнице

санитаркой. В общем, проблем не будет. Но желательно, чтобы она ничего не знала. Дымкин наверняка, я в этом уверена, говорил ей об опытах. И скорее всего он выполнял чей-то заказ – деньги у него водятся, а откуда, неизвестно.

– Пошли людей за ним, – приказал Монаху Эдуард Анатольевич.

– Поеду я, – сказала Рената. – И с собой возьму Убийцу – там надо убирать и мать, и девочку.

– А не рано? – с сомнением спросил Эдуард Анатольевич.

– Все будет как надо, – улыбнулись она.

Щелково

– Да он думает, что один может, – налив в две рюмки водки, усмехнулся плотный высокий парень. – А ничего у него не выйдет. Я тоже не автор, но что-то могу. Понимаешь, Тонька, – он подвинул рюмку молодой женщине, – мы разбогатеем, сто процентов.

– Давай за твою удачу, милый мой мальчик. – Она подняла рюмку.

– И заживем мы с тобой на зависть всем, – сказал парень. Они выпили. В дверь позвонили.

– Ты кого-то ждешь? – спросил он.

– Нет. – Женщина вышла в прихожую. – Кто там?

– Да я это, Тоня, – ответил хриловатый мужской голос.

– Вот здесь она живет, – кивнула на пятиэтажку Рената. – Я с ним говорю, ты уводишь его. А ты, – она взглянула на крепкого молодого мужчину, – занимаешься Зайцевой. Надо выяснить, что именно она знает. Он ей наверняка хвастал. Пойдем. – Они вышли из джипа.

– Как появится, – сказал парень водителю, – заводи.

Рената быстро шла к подъезду, бандиты за ней.

– Кончай их, – сказал плотный смуглый мужчина. – Ни хрена он не знает.

Дверь в комнату распахнулась, и ворвавшийся парень выстрелил из пистолета с глушителем. Плотный, получив пулю в лоб, упал. Худощавый парень с ножом в руке схватил за волосы маленькую девочку.

– Зарежу, – прижимая лезвие к шее ребенка, прошипел парень, – если...

Чуть слышно щелкнул пистолетный выстрел. Пуля вошла парню в левый глаз, но он успел полоснуть ножом по тонкой шейке. Рената бросилась к лежащему на животе парню в наручниках.

– Дымкин. – Присев, она осторожно перевернула его на спину. На груди виднелась рана от удара ножом.

– Это, – пробормотал Дымкин, – они за... – Он захрипел, на губах выступила кровавая пена. Он дернулся и закрыл глаза.

– Все, – кивнул подошедший мужчина. – Интересно, кто такие. – Он проверил карманы убитых и достал два паспорта. – Я так понимаю, у нас конкуренты.

– Я даже догадываюсь, кто именно, – процедила Рената и поднялась. – Уходим. – Она и мужчина быстро вышли.

Парень заглянул в спальню. Увидел на полу хозяйку, по ее

виску стекала кровь. Взяв нож убитого Дымкина, подошел к хозяйке, всадил по рукоятку в шею и вышел.

– Что? – Эдуард Анатольевич нахмурился. – И кто еще заинтересован в этом? Не от тебя ли утечка информации, Рената?

– Обалдел, что ли?! Ты хоть немного думай, прежде чем говорить. Еще раз услышу подобное, и мы расстанемся. Тебе меня не напугать. Я сумею себя защитить.

– Извини, – буркнул он. – Все идет не так, как хотелось бы.

– А легко можно только гриппом заболеть. Кто-то еще знает о формуле. Думаю, что знаю кто. Но это надо будет проверить. Приеду, и поговорим. Но если ты еще раз усомнишься...

– Больше этого не повторится, – поспешил заверить Эдуард Анатольевич.

– Извините, – внимательно глядя в лицо молодой симпатичной женщине, спросила Александра Андреевна, – а вы кто? И почему вас интересует...

– Меня зовут Маргарита Алексеевна, – улыбнулась та. – Я преподаватель биологии.

– А при чем здесь наш внук?

– Я узнала, что он ушел из университета, и была поражена. Евгений, бесспорно, талантливый человек. И вдруг...

– Он так решил, – перебила Александра Андреевна. – И

где он сейчас, я не знаю. Впрочем, никто не знает. Он звонил и сказал, что у него все хорошо. А мы привыкли верить Жене. И я не понимаю, что именно вас привело к нам. Он, кстати, ни разу не упоминал вашего имени. Я бы запомнила. Так что наш разговор окончен. До свидания.

– Простите, ради бога, если вдруг он с вами свяжется, дайте, пожалуйста, ему номер моего телефона. – Она протянула визитку. – Пусть звонит в любое время. Женя на грани открытия удивительного препарата. И он обязательно должен закончить свои опыты.

– Хорошо, – по-прежнему холодно пообещала Александра Андреевна. – Если будет возможность, я сообщу ему о вашем визите.

– Их убили! – процедил Махмуд. – Кто? И ребенка, и хозяйку, и Дымкина. Кроме того, исчез Суздальцев. Его родители ничего не знают.

– Да все они знают, – усмехнулся смуглый мужчина. – Уж слишком спокойно они об этом говорили. Скорее всего и Дымкина хотели забрать те же. Но я думаю, что нам следует искать...

– Я так же думаю, – перебил Махмуд. – Но никто не знает, где он. И почему свое открытие он так легко отдал в другие руки?

– Потому и отдал, что не понял, что это может сделать его богатейшим человеком. И главное – безо всякого для него

риска. Но я допускаю, что он уже работает на кого-то. Он слаб, привык считаться с мнением других людей. Грубость матери воспринял как конец жизни и хотел уйти в армию. Талантлив, но этого не понимает. Имеет разносторонние знания, в том числе в нетрадиционной медицине. Бесхитростен, прямолинеен, честен.

– Но где он?

– Этого, кажется, действительно никто не знает, – входя, проговорила Маргарита. – Он исчез сразу после конфликта с матерью.

– Что сказала его бабушка? – спросил смуглый.

– То, что я и ожидала. Она не знает, где он. Но, как я поняла, совершенно спокойна и уверена в том человеке, с кем сейчас находится этот великовозрастный вундеркинд. А вот выяснить, кто это, не представляется возможным. А что говорит Артур?

– Он удивлен таким вниманием к своему пасынку, – усмехнулся смуглый. – Он ничего объяснить тоже не мог. Я думаю, его надо прижать, он что-то знает, но за ним кто-то стоит. И я подозреваю, что это тот, кто взял Суздальцева.

– Он просто альфонс-неудачник, – отрезала Маргарита. – Единственное, что у него есть, находится между ног. Но он не смог воспользоваться и этим даром. Его жена – женщина, которая может сделать мужчину счастливым. А он... Жил за ее счет и пальцем о палец не ударил. А когда понял, что она получит хорошие деньги от умирающего отца, решил сде-

лать ее наркоманкой с помощью своей любовницы, подружки жены. Но ничего не вышло. Поэтому мы и оказались в числе тех, кто ищет юношу. Где он, никто не знает. Хотя я, кажется, догадываюсь, кто наш конкурент.

– И кто же? – спросил смуглый.

– Это пока только предположение, – ответила Маргарита. – Я все проверю, и если мои предположения подтвердятся, вы немедленно узнаете об этом.

– Может, придавить бабульку? – спросил смуглый.

– Это успеется, – поморщился Махмуд. – Вдруг она действительно не знает, где он. Надо выйти на того, кто хорошо знает Якова Борисовича Марковского.

– Да я не помню ничего, – со слезами на глазах бормотал бледный Суздальцев. – Мы просто играли, – он рукавом рубашки вытер слезы, – и тут этот придурок, Женька Антонов, заявил, что сможет...

– А ты, значит, все у него переписал и решил, что будешь править миром, – усмехнулся Монах. – Но почему ты не можешь вспомнить? И почему уверял Ренату, что все помнишь? Кретин! – Он плюнул перепуганному Суздальцеву в лицо. – Ты просто не понимаешь, что наделал. Если бы ты сразу говорил правду, ничего бы этого не было и ты бы остался в живых. Твои родители тоже. Придурок.

– Да я думал, у меня получится! – визгливо закричал парень. – Я все обязательно вспомню! Сегодня вспомню, сей-

час! – Он бросился к столу и схватил ручку.

Монах посмотрел на стоящего у двери лаборатории бандита и кивнул. Тот достал нож и всадил лезвие Сергею под левую лопатку.

– Брось его в ванну, – сказал Монах, – через час от него только воспоминание останется. А с родителями его пусть Убийца разбирается.

* * *

– Слушай, Артур, – усатый верзила коротким толчком в грудь отбросил его к стене, – надоели твои выдумки. Где щенок бабы твоей? Ну? – Он ударил Артура в живот. Тот упал на колени. Удар коленом разбил ему лицо.

– Хорош, Гусар, – усмехнулся, поигрывая удавкой, коренастый молодой мужчина, – не надо его бить. Он и так скажет. Верно я базарю, Артурчик? – Он подошел к пытавшемуся подняться Артуру, накинуд ему на шею удавку и слегка стянул. Тот, захрипев, вцепился в тонкий шнур пальцами. – Живи пока, сучонок. – Коренастый сорвал с его шеи удавку.

– Надо выяснить, где твой пасынок, – сказал Гусар. – Правильно я говорю, Петля? – Он посмотрел на коренастого.

– Верно базаришь, – кивнул тот. – Следующий раз я стяну петельку до конца. – Петля вышел.

– Срок тебе сутки. – Гусар тоже вышел.

– Суки, – хрипло выдохнул Артур. «Зачем пасынок им

понадобился? Попал я. И на кой хрен надо было базар этот заводить? Да я думал, помогут с Ирккой разобраться. И все получилось бы, если бы не Марковский, паскуда еврейская». Он сел на пол, достал пачку сигарет. Увидев кровь на пальцах, выматерился.

– Так, – кивнул смуглый седой мужчина, – значит, вы считаете, что это не фантазия на тему «хочу быть богатым»? – Он заглянул в глаза худому мужчине со светлой бородкой.

– Уважаемый Азиз аль-Назими, – вздохнул тот, – я не ожидал услышать от вас подобных слов. Неужели я дал вам повод так думать обо мне?

– Господин Юдин, ты меня неправильно понял. Я не имел в виду тебя. Я спрашиваю тебя как человека, которому полностью доверяю и чье мнение уважаю. То, что я услышал, буду честен, напомнило мне легенду о неистощимом источнике среди пустыни. И дело не в том, что такой источник в пустыне невозможно представить, а в том...

– Что такой пустыни просто не существует, – продолжил за него Юдин.

– Я рад, что тебе знакома эта легенда, – кивнул Азиз. – И теперь я очень хочу выслушать твое мнение. К сожалению, я не специалист, поэтому, пожалуйста, растолкуй мне суть как можно проще.

– Хорошо, – кивнул Юдин. – Да, это реальность. Препарат эффективен и, что немаловажно, производится без особых

затрат. Кроме того...

– Значит, он есть? – перебил его Азиз.

– Несомненно. Я случайно узнал о том, над чем работали мои студенты. Я не обратил бы на это внимания, если бы среди них не оказался один весьма одаренный молодой человек. Когда я впервые познакомился с ним, он произвел на меня странное впечатление – он так и не вышел из детства. Он очень талантлив и упрям. Я стал наблюдать за ним. Другей у него не было, но он помогал многим.

– Где он сейчас?

– Исчез. Думаю, тут дело в семье. Его мать вдруг начала принимать наркотики. Отца у него нет. Для него мать – идеал, а она грубо обошлась с ним.

– А его товарищи?

– Один из них убит сегодня ночью, второй пропал, а его родители погибли при взрыве бытового газа. Это навело меня на мысль, что проект вундеркинда можно осуществить. А зная, уважаемый Азиз, ваши финансовые возможности, ваше влияние и...

– Сколько ты хочешь? – перебил Азиз.

– Вы меня неправильно поняли, – вздохнул Юдин. – Я бы хотел принять участие в производстве продукта.

– Понимаю. И принимаю твое предложение. Теперь давай уточним некоторые детали. Что именно нужно сейчас.

– Во-первых, найти вундеркинда. Во-вторых, убедить его заняться работой. Убедить, а не заставить: он домашний цве-

ток.

– Понял. В этом полагаюсь на тебя. И вот что еще: если все действительно так, как ты говоришь, ты станешь моим ближайшим сотрудником. Но если это всего лишь легенда о неиссякаемом источнике в пустыне, я буду вынужден принять соответствующие меры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.